

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ЗНАК
СВЫШЕ

ОНА ПРИТЯГИВАЛА ВРАГОВ, САМА ТОГО НЕ ЖЕЛАЯ...

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Знак свыше

«ЭКСМО»

2012

Леонтьев А. В.

Знак свыше / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2012

Даша удивилась: родители не захотели отпускать ее в командировку в одну из стран Северной Африки! Да, там единолично правит Ганнибал аль Бадраффи, но что может угрожать Даше, если она едет в составе группы телевизионщиков, собирающихся взять интервью у блистательного диктатора? Девушка терялась в догадках, пока не выяснила: люди, которых она считала своими родителями, удочерили ее в детстве, а настоящая мать Даши была шпионкой... Времени разбираться в запутанной семейной истории не оставалось, и она вылетела на Черный континент. Странности начались еще в отеле, но, когда Даша и ее коллеги прибыли в резиденцию Бадраффи, случилось и вовсе невообразимое: их без всяких объяснений выставили из дворца! Всех, кроме Даши... Тогда-то она и узнала: ее мама когда-то работала в Африке, и с молодым Бадраффи ее связывал страстный роман...

© Леонтьев А. В., 2012

© Эксмо, 2012

Антон Леонтьев

Знак свыше

Пролог

Северная Африка. Тюремный комплекс «Черный пляж»

Женщина подошла к краю платформы, нависшей над скалой. От бурно плескавшегося под ней моря ее отделяло никак не меньше двухсот метров. Женщина знала, что ее ожидало. Смерть. Так же, как и ее мужа. Он был казнен днем раньше.

Она развернулась и, встав спиной к бородатым мужчинам с автоматами, что привели ее сюда из камеры, дерзко посмотрела им в лица. Они отвели взгляды, начали переминаться с ноги на ногу. Несмотря на все, она еще не растеряла следов былой привлекательности.

Появился военный – изящный, смуглый, с красивым, но надменным лицом. И ведь она когда-то любила его! И он ее, кажется, тоже. В этом-то и причина, по которой ей предстояло умереть!

Военный вперил в нее взгляд темных глаз и отчеканил:

– Ты знаешь, что делают со шпионами и врагами революции в нашей славной стране!

Женщина пожала плечами, и в этот момент раздался крик ребенка. Ее лицо исказилось. Один из бородачей передал военному завернутого в пеленки младенца. Ухмыляясь, военный взял его на руки и произнес:

– С тобой и так слишком долго церемонились, позволив выносить и воспроизвести на свет этого бастарда! Девчонку стоило бы швырнуть в море вслед за тобой! Кто отец ребенка?

Борясь с эмоциями, женщина ответила:

– А что, если ты?

Военный нахмурился и отдал ребенка одному из своих приспешников.

– Мы не воюем с детьми! И пусть их родители – шпионы и враги народа!

– Что ждет мою дочь? – спросила женщина, а военный, натянув перчатки, заявил:

– У нее будет другая мать, не такая ужасная, как ты! Но тебе впору озаботиться собственной судьбой! Потому что пришла пора расплачиваться за преступления!

Женщина попыталась что-то сказать, но военный поднял руку, и бородачи навели на женщину автоматы. Он опустил руку – и раздалось несколько отрывистых очереди.

Подойдя к платформе, с которой бездыханное тело мгновением раньше спикировало вниз, в морскую бездну, военный удовлетворенно поцокал языком и заявил, обращаясь к бородачам:

– Никто из вас участия в казни шпионки не принимал! Никакой казни и не было! Шпионка сама покончила с собой! Это понятно?

Бородачи судорожно закивали – перечить могущественному военному было смерти подобно.

Военный же взял надрывно кричащего младенца, повертел его и заявил:

– А что, если девочка вся в мать пошла? Ладно, ребенок нам нужен живым, а не мертвым! Так у нас будет рычаг воздействия на Советы!

Он захохотал и, сунув осиротевшую девочку своим подчиненным, удалился внутрь тюремного комплекса.

Над скалой кружили чайки, под скалой шумело бурное море. А девочка все плакала и плакала...

Тридцать лет спустя. Наше время

Ответ последовал практически незамедлительно – на экране ноутбука, рядом с китайским флажком, появилась светло-зеленая строчка: «ПЕКИН СОГЛАСЕН».

Сия краткая фраза на английском – всегда большими буквами – означала, что судьба европейской валюты предрешена. И пусть члены европейских правительств встречаются хоть десять раз на неделе, пусть принимают важные решения, обещают все новые миллиарды в качестве финансовой поддержки, штампуют все новые цветные фантики под названием евро. От них уже ничего не зависит. Впрочем, никогда и не зависело, потому что решение о введении единой валюты тоже принял Клуб, и оно никак не было результатом европейской интеграции. На данном этапе евро выполнил свою функцию, и пришло время свернуть проект.

Человек – в бордовом шелковом халате с золотой вышивкой – хмыкнул, поднял с полированной поверхности массивного письменного стола пузатый бокал, на дне которого мерно плескалась янтарная жидкость, поднес его к губам и одним залпом осушил. Покойся с миром, дружище евро! А вместе с ним и пара-тройка европейских стран, погрязших в долгах и балансирующих на грани дефолта. Ну что же, нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц!

– Разумеется, китайцам это тоже на руку! – пробормотал он с кривой ухмылкой и поставил бокал обратно на стол. Не всем, конечно, а *их* китайцам. Китайцам, входившим в Клуб.

Да, что ни говори, за последние годы все так стремительно изменилось! Раньше встречи проходили на нейтральной территории и всегда лично. Теперь же, во времена Интернета, айфонов и айпадов, конференции имели место в онлайн-режиме. По специальной, абсолютно надежной линии. Раньше хотя бы знал, с кем имеешь дело, а теперь – только флажок государства, которое представлял невидимый собеседник, и собственный цвет шрифта. Вот и все! Никаких лиц, никаких имен, никаких должностей!

И несмотря на это, люди, являвшиеся членами этого тайного элитарного клуба, знали: именно они управляют миром. Причем не в переносном, а в прямом смысле. Нет, не правительства тех стран, которые они представляли во время онлайн-конференций, – правительства зачастую не имели представления о существовании этого клуба. Некоторые, конечно же, догадывались или даже знали наверняка, но мирились. Потому что боялись.

Страх – человек в бордовом халате с золотой вышивкой знал это по собственному опыту – наиболее эффективный рычаг воздействия на человека в отдельности и человечество вообще. Конечно, рано или поздно чувство страха притупляется, и к опасности, даже самой явной, привыкаешь. До тех пор, пока не сталкиваешься с новой, гораздо более серьезной и совершенно неожиданной угрозой.

Именно на этом и специализировался Клуб – его члены предпочитали название Клуб Двадцати Одного. Словно в насмешку над клубом Двадцати – бессильной и крикливой ассамблеей глав наиболее влиятельных и важных государств мира. Двадцать один – потому что на один больше, чем клуб официальной мировой элиты. Двадцать один – потому что в так называемом Совете Безопасности, верховном органе Клуба Двадцати Одного, заседал именно двадцать один представитель наиболее влиятельных стран планеты. Именно там принимались решения, от которых зависела судьба мира, именно там делалась история. И деньги. Большие деньги. Очень большие деньги. Невероятно большие деньги.

Когда-то в Клубе в самом деле был всего двадцать один член. Но с той поры утекло много воды, и теперь в нем представлены практически все государства мира, даже такие крошечные, как Ватикан, Монако и Таити.

Времена изменились, а вот название сохранилось. Не так давно возникла идея сменить название, но против нее восстали те же китайцы – еще бы, ведь они все, что военные, что политики, что бизнесмены, помешаны на нумерологии, а двадцать один – это три семерки.

Да, китайцы, они становятся все более и более влиятельными. Но и это пройдет: когда-то в клубе Двадцати Одного главенствовали французы, затем англичане, потом американцы. И вот настала китайская эпоха.

«Принято единогласно!» – появилась ярко-желтая надпись без флажка: это был председатель, один из членов Совета Безопасности, ставший на два года главой Клуба Двадцати Одного. И одновременно самым влиятельным человеком планеты.

Члены этого клуба никогда не были политиками первого ранга, а частенько и вообще политиками. Они сторонились контактов с прессой, они ненавидели огласку и шумиху. Когда некоторое время назад один прыткий тип, желавший разоблачить всех и вся, заполучил документы, косвенно подтверждающие существование Клуба Двадцати Одного, и собрался опубликовать их в Интернете, на своем форуме правдорубов, то не прошло и трех дней, как этого типа арестовали по обвинению в изнасиловании. Патлатый интернетчик пытался доказать, что дело против него сфабриковано, подозревал в этом своих недоброжелателей из Пентагона (уж больно много он раскрыл неприглядных тайн, связанных с вторжением США в Ирак и Афганистан), не подозревая о том, что за судебным процессом кроется куда более могущественная структура, чем американская администрация. Убивать интернетчика было рискованно, это автоматически возвело бы его в ранг святого, а все его обвинения, зачастую бездоказательные, в разряд истины. Требовалось иное: дискредитировать прыткого субъекта, низвергнуть его с пьедестала интернет-гуру, втянуть в мерзкий скандал и тем самым уничтожить его репутацию. К осужденному насильнику, даже пусть он трижды говорит правду, никто никогда более не прислушается.

Или вот известный финансист, глава самой влиятельной финансовой организации, распоряжавшейся не миллиардами – триллионами! – вдруг зачудил и решил пойти против воли одного из своих заместителей, подготовившего доклад и схему действия этой самой финансовой организации в случае кризиса.

Заместитель являлся членом Клуба Двадцати Одного, а доклад был нацелен на то, чтобы в случае кризиса – неминуемого, грандиозного и, как и все кризисы последних ста пятидесяти лет, инициированного Клубом Двадцати Одного – стать еще могущественнее и еще богаче. Известный же финансист, ранее всегда безоговорочно доверявший этому своему заместителю и, собственно, поручивший ему подготовку доклада, вдруг дал задний ход и решил разработать иную стратегию.

Иная стратегия не дала бы Клубу Двадцати Одного ожидаемых прибылей и увеличения могущества. А финансист заартачился, встал на дыбы, заявил даже, что если его заместитель не подготовит иной доклад, то ему лучше сразу же подать в отставку.

Пришлось позаботиться о том, чтобы финансист покинул мировую финансовую арену. Можно было организовать сердечный приступ или инсульт – финансист был уже не первой молодости. Или, к примеру, автомобильную катастрофу, или падение самолета. Но многим членам Клуба Двадцати Одного хотелось видеть финансиста не столько мертвым, сколько морально раздавленным, низверженным и униженным.

Именно таким финансист и выглядел в зале нью-йоркского суда, куда его – небритого, в мятой одежде и в наручниках – привели из камеры предварительного заключения, в которой он провел целую ночь.

Финансиста, уже готовившегося отбыть в Европу, вытащили из салона самолета, который должен был вот-вот стартовать. И предъявили обвинение в том, что он изнасиловал горничную нью-йоркского отеля, из которого прибыл в аэропорт.

Сначала финансист хорохорился, заявлял о своей невиновности, но пару дней спустя малодушно подал в отставку. А тот, кто сменил его на посту главы влиятельной финансовой организации, отозвал решение о подготовке новой стратегии на случай кризиса и утвердил ту, что подготовил один из заместителей.

Журналисты и интернетчики шумели, бывший финансист сам подбросил версию о том, что к краху его карьеры привели интриги президента одной из европейских стран, соперником которого на скорых выборах и намеревался стать финансист. Ему уже прочили уверенную победу над непопулярным президентом, а тут бах! – и скандал на сексуальной почве. В итоге кандидатом в президенты финансист не стал.

И Клуб Двадцати Одного через подконтрольные средства массовой информации сделал так, чтобы эта версия, официально не подтвержденная, но и не опровергнутая, стала ведущей. Тот факт, что нью-йоркская прокуратура так и не стала предъявлять финансисту, теперь уже бывшему, обвинения в изнасиловании, уже изменить ничего не мог: дело было сделано, и очередное препятствие на пути Клуба было устранено.

Человек в бордовом халате с золотой вышивкой опустил руки на клавиатуру и набрал текст, который мгновением позже появился на экране ноутбука – текст был серого цвета, с немецким флагом в качестве опознавательного знака.

«Необходимо принять решение по Северной Африке. Аль Бадратфи выходит из-под контроля. Требуется решительные действия. Прошу председателя поставить вопрос на голосование!»

Минутой позднее стали известны результаты голосования: все члены Совета Безопасности, за исключением двух – Великобритании и России, – поддержали немецкую инициативу.

– Ну, британцы всегда хронически против! Островной менталитет! – проворчал человек в бордовом халате с золотой вышивкой. – Но русские отчего против? Хотя наверняка у них с Аль Бадратфи своя игра! У них, как водится, подковерные византийские игры. Как некстати! Ведь именно от русских многое и зависит!

Предложение было принято, началось обсуждение того, что стоит предпринять. Немец сразу же раскрыл карты.

«Из документов Штати, которые после падения Берлинской стены не попали в руки новой немецкой власти, стали известны детали переворота под предводительством Аль Бадратфи в 1982 году. Речь идет о совершенно особом рычаге воздействия...»

Пары минут хватило, чтобы ввести членов Совета Безопасности в курс дел и сделать новое предложение о решении североафриканской проблемы.

Все зависело от реакции русских. Если те запрямятся и решат вставлять палки в колеса, то придется прибегать к иным методам. В случае с Аль Бадратфи без крови не обойтись. Потому что этого эксцентричного деспота, обладающего взводом белокурых бодигардов женского пола, сексуальным скандалом к отставке не сподвигнешь.

Русские молчали. Наверняка представителю Москвы требовалось время, чтобы обмозговать предложение, просчитать плюсы и минусы и, наконец, заручиться поддержкой тех, чьи интересы он представлял в Клубе Двадцати Одного. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем на экране появился российский флаг, а вслед за ним сообщение:

«Москва согласна. Однако разработка и осуществление операции должны быть исключительно нашей прерогативой. В случае нарушения договоренности готовы применить ответные меры».

Ого, русский медведь, как водится, не прочь встать на дыбы и, разинув клыкастую пасть, громко-прегромко зарычать! Русским, как, к примеру, и американцам, надо постоянно напоминать, что они сами – пуп земли, и пригрозить всем иным всевозможными карами в случае нарушения данного слова. Если американцы и русские так похожи, то чего так друг друга ненавидят? Может, именно поэтому?

Предупреждать о неких негативных последствиях в случае несоблюдения договоренности, принятой на заседании Совета Безопасности, было моветоном. Да и более того – просто бессмысленно, потому что члены Клуба Двадцати Одного, обманывавшие всех и вся, никогда не пытались обвести вокруг пальца своих коллег по Клубу. И не потому, что они их боялись

– во всяком случае, не только по этой причине. И не из-за того, что им было стыдно лгать партнерам по бизнесу, а заодно и по управлению миром, – все эти люди совершили в своей жизни столько преступлений, гнусностей и мерзостей, что совесть атрофировалась у них уже давным-давно.

Нет, объяснение было проще простого: приняв один раз кардинальное решение, они делали все, чтобы это решение привело к осуществлению их плана. Ведь потерянное время и ресурсы означали одно: потерянную выгоду. А этого не мог позволить себе никто – ни неолиберальные экономисты из Америки, ни коммунистические бонзы из Китая, ни служители Господа из Ватикана, ни поклонник золотого тельца из Монако, ни атеисты и законченные циники из России.

«Вопрос находится на голосовании!» – предупредил всех председатель, и человек в бордовом халате с золотой вышивкой нажал клавишу мышки. Через несколько секунд высветился результат, и немец удовлетворенно хмыкнул. «Против» – ни одного! Воздерживаться при голосовании было не в правилах Клуба.

«На этом повестка дня исчерпана! Леди и джентльмены, желаю вам всего наилучшего! Очередной сеанс связи согласно графику!»

Председатель отключился, а вслед за ним и остальные члены Совета Безопасности Клуба Двадцати Одного. Немецкий представитель закрыл ноутбук и взглянул на широкие дисплеи нескольких компьютеров, стоявших на соседнем столе. Он заметил меняющиеся разноцветные диаграммы. Это были курсы ведущих мировых бирж.

Человек в бордовом халате с золотой вышивкой налил себе в бокал еще немного коньяку и медленно подошел к огромному панорамному окну. Перед ним расстилался ночной Франкфурт-на-Майне. Человек находился на последнем этаже одного из стеклянных небоскребов, располагавшихся в центре города: именно там размещались самые крупные и влиятельные банки, именно там находилась штаб-квартира европейской финансовой системы.

Смакуя коньяк семидесятилетней выдержки, человек в бордовом халате с золотой вышивкой думал о том, что из-за решения, только что принятого на заседании Совета Безопасности, именно эти крупные и влиятельные банки, именно эта европейская финансовая система окажутся совсем скоро на грани коллапса. И тогда в действие вступит план, разработанный заместителем того самого строптивого финансиста. Рано или поздно евро рухнет, и финансовая власть над миром окончательно перейдет в руки Клуба Двадцати Одного.

Было почти три часа ночи. Центр Франкфурта бодрствовал, но остальные районы мирно спали, не подозревая, что за тайфун надвигается на них. Где-то там, за городом, располагалась и вилла, в которой человека в бордовом халате с золотой вышивкой ждала жена. Однако у него, главы одного из самых больших немецких банков, имелась и служебная квартира в стеклянном небоскребе, рядом с гигантским рабочим кабинетом.

Вообще-то в его интересах – интересах банкира – было всячески заботиться и поддерживать стабильность европейской, а вместе с ней и мировой финансовой системы. Но в его интересах – интересах члена Совета Безопасности Клуба Двадцати Одного – было ввергнуть финансовую систему в хаос. Контролируемый хаос. Хаос, позволяющий за короткий промежуток времени сделать сверхприбыли, такие, какие не снились никакому скряге-банкиру!

Человек в бордовом халате с золотой вышивкой потянулся и зевнул. Онлайн-совещания всегда проходили в то время, когда в Центральной Европе была глубокая ночь. Опять же, дань уважения китайцам – у них в это время давно уже был день! Да, китайцы стараются подмять весь мир под себя – и даже Клуб Двадцати Одного! За ними нужен глаз да глаз!

Мысли человека в бордовом халате с золотой вышивкой текли мерно и тягуче. Занятно и то, что он представляет в Совете Безопасности Германию. Конечно, он вот уже больше сорока лет живет и работает в Германии, но родился и вырос в Швейцарии и до сих пор является гражданином Швейцарской Конфедерации. Но пути Господни неисповедимы – так, кажется, учили

его в католическом интернате много-много лет назад! Хотя теперь, когда миром управляет Клуб Двадцати Одного, не следует надоедать Господу просьбами о решении проблем человеческой цивилизации – с этим вполне справится и Совет Безопасности!

Человек в бордовом халате с золотой вышивкой повернулся, чтобы поставить на стол пустой бокал. Кажется, со спиртным стоит завязывать, ведь ему нужно иметь трезвую голову, дабы через несколько часов убеждать сильных мира сего, что принятие плана, того самого, разработанного заместителем финансиста, попавшегося на секс-скандале, в интересах Европы и всего мира! Утаив при этом, что это в первую очередь в интересах Клуба!

Раздался приглушенный мелодичный перезвон. Человек в бордовом халате с золотой вышивкой подошел к столу и взглянул на экраны компьютеров. Курсы азиатских бирж сразу же после открытия резко пошли вниз.

Он открыл ноутбук, при помощи которого общался с коллегами по Клубу. Помимо того, что ноутбук был особый, сделанный на заказ и оснащенный системой спецсвязи, внедриться или прослушать которую было невозможно, переносной компьютер отличала еще одна особенность: вензель «21» на крышке.

Человек в бордовом халате с золотой вышивкой взглянул на другой, особый курс. Это был курс доходов Клуба Двадцати Одного – кривая рвалась вверх. Миллионы и миллиарды, пополняющие счета членов Клуба ежеминутно.

Но деньги, усвоил он еще в далеком детстве, далеко не самое важное в жизни. К этому выводу он пришел в католическом интернате. Самое важное – это власть. А власть зиждется на страхе. А страх является эксклюзивным товаром их Клуба!

Послышался писк – это мобильный человека в бордовом халате с золотой вышивкой. Его номер был известен чрезвычайно узкому кругу лиц. Владелиц мобильного усмехнулся. Звонить в начале четвертого утра и надеяться на то, что трубку возьмут сразу же, – какая, однако, самоуверенность! Он подождал секунд десять, но звонивший был напорист. Наконец человек в бордовом халате принял звонок и еще до того, как на него обрушился поток извинений, произнес:

– Госпожа федеральный канцлер, чем могу вам помочь?

Тут запищал его второй мобильный, и человек в бордовом халате, прервав говорившую с ним даму, самую влиятельную в мире, на полуслове, заметил:

– Госпожа федеральный канцлер, прошу прощения, но мне на другой телефон звонит ваш коллега, французский президент. Вы не возражаете, если я приму звонок и, как только будет возможность, вернусь к вам?

Не дожидаясь ответа, он поднес к уху второй мобильный. Да, теперь он требовался всем! И от его мнения зависело много – судьба Германии и Франции, судьба евро и судьба прибылей Клуба.

Он говорил с французским президентом, который, кажется, был на грани истерики. А немецкая канцлерша терпеливо ждала на другом проводе. Интересно, сколько она будет ждать, мелькнула у него мысль? Отчего-то он был уверен, что столько, сколько надо – пока он не возобновит прерванный разговор.

И это самая влиятельная женщина в мире? И этот говорливый, почти рыдающий субъект из Елисейского дворца – самый влиятельный мужчина в Европе?

Человек в бордовом халате с золотой вышивкой слегка улыбнулся. Да, миром правили не они, а другие. Другие – Клуб Двадцати Одного!

Неделю спустя...

Олег Дергушинский осторожно осмотрелся – и отшатнулся. На него едва не налетел карапуз в желтой курточке с разноцветным капюшоном. В руках у карапуза был огромный бумажный бокал с кока-колой.

Олег недовольно поморщился, но ничего не сказал, наблюдая за тем, как мамаша, державшая в руках гигантский поднос со всяческой вредоносной снедью, пытается одновременно координировать движения своего неуклюжего чада.

Просто отлично, что у него нет детей, подумал Олег, наблюдая за грузной и несколько неуклюжей фигурой женщины, сопровождаемой малышом в желтой курточке с разноцветным капюшоном. А если бы вдруг и были, то он точно не привел бы их в субботний день в забегаловку, где кормят фастфудом! А какая разница, что фастфуд теперь не американский, а свой, родимый, российский, и что само заведение превращено в некое подобие сказочного теремка: от такой еды только одни проблемы со здоровьем!

Мысли Олега переключились на другое. Он нервно взглянул на часы. Восемь минут второго, а встреча была назначена на четырнадцать ноль-ноль! Причем именно они назначили встречу на это время, они и выбрали эту страшную забегаловку в псевдорусском стиле!

Мимо Олега прошла жующая жвачку девица с обесцвеченными волосами, толкавшая за собой тележку, на которой возвышались бачки с мусором. Девица неуклюже собирала остатки еды с пустых столов и распределяла их по бачкам.

Олег поморщился и инстинктивно подался в сторону, но это не помогло: девица все равно задела своей тележкой стул, на котором он сидел. Олег возмущенно фыркнул. Вот вам и супер-сервис – именно это обещала реклама при входе в этот теремок, оказавшийся банальным храмом дешевой жратвы.

– Поосторожнее! – заявил Олег вслед девице, которая, толкнув его, даже не соизволила извиниться. Похоже, она даже этого и не заметила! Девица повернулась, на ее неотягощенном интеллектом лице появилась странная гримаса. Она выдула грязно-розовый пузырь жвачки, который с шумом лопнул. Девица снова отвернулась и двинулась к столу, на котором возвышалась груда грязной посуды.

Нет, добровольно он бы в это, с позволения сказать, заведение никогда бы не наведася! Его страсть – это дорогушие французские рестораны в центре Москвы, но никак не этот «теремок» в Люблино с пельменями, жаренной на сале картошкой и хамскими уборщицами!

Собственно, он здесь оказался вовсе не добровольно. Он пришел сюда, чтобы... Олег снова обернулся, словно опасаясь, что чавкающие люди прочтут его мысли. Да, он оказался здесь, чтобы совершить предательство! Как ни крути, а он предает Родину! Или, вернее, продает!

Его рука нащупала конверт из плотной бумаги, находившийся во внутреннем кармане стильного пальто из верблюжьей шерсти. Предать, продать, какая, собственно, разница! Важно, чтобы платили! А ему обещали заплатить! Ему требовались деньги!

Олег работал в Министерстве иностранных дел, и должность у него была совсем даже не плохая, и зарплата тоже. Но это раньше МИД был шикарным местом для работы. Где здесь «откат», где тут «процент», где там «чаевые»? Чего он достиг в свои тридцать девять? Еще полгода, и ему стукнет сороковник! И все, жизнь, можно сказать, даром прошла!

Надо было уходить в другое министерство или, что еще лучше, в спецслужбу, там истинное раздолье! Он пытался, но не вышло. И желающих много, и не всегда выходит, как планируешь. Ведь у каждого имеются свои недостатки.

Были они и у Олега, и одним из них была страсть к дорогой, декадентской жизни. Наверное, поэтому *они* на него и вышли. Кто были *они*, Олег имел чрезвычайно смутное представление, но это его устраивало. Главное, чтобы платили!

Странно, что эти самые *они* были готовы выложить более чем приличную сумму за какие-то старые, никому особенно не интересные документы из секретного архива МИДа. Олег их внимательно изучил, но не обнаружил ничего такого, что бы могло привлечь внимание иностранных разведок. А то, что они были личностями из-за бугра, он скумекал с самого начала.

Конечно, кое-что, изложенное в документах, было занятным. Даже он, любитель всяких мидовских баек и полуофициальных и неофициальных историй о том, «как это было на самом деле», никогда об этом не слышал. Но информация, несмотря на свою пикантность, не стоила таких денег! Но тогда почему?

Раздался мощный рык, от которого Олег вздрогнул – на втором этаже «теремка», где он находился, возник медведеобразный мужчина, державший поднос со снедью. Он направился к мадам и ее невоспитанному малышу в желтой курточке с разноцветным капюшоном. Вот и папаша появился! И тоже с подносом! Если они будут пичкать ребенка этой гадостью, то он вскоре станет таких же, как и папаша, размеров!

Олег снова взглянул на часы – платиновый «Ролекс». Четверть третьего! В дипломатическом мире прошлых веков и из-за меньшего опоздания послов на аудиенцию к королю разгорались войны! Но, похоже, они, его заказчики, уже здесь и изучают его: вдруг он стукнул куда надо о том, что его склоняют к продаже секретов Родины? И привел за собой «хвост»?

Олег понимал – сидеть он будет до последнего, если надо, и после закрытия здесь останется. Потому что деньги получить ой как хочется! С деньгами он может многое себе позволить, то, о чем так долго мечтал, но не выходило!

Внезапно он увидел поднимающуюся с первого этажа по лестнице группу людей в форме. Сердце Олега екнуло и ушло в пятки. Ему показалось, что он вот-вот грохнется в обморок. Так и есть, он, чертов идиот, попался на провокацию спецслужб! Сейчас же везде шерстят, коррупционеров ищут, в том числе, видимо, и до МИДа добрались! Вот и повяжут его сейчас, под суд отдадут, в сибирский лагерь отправят! Так, что делать? В висках у Олега стучали крошечные молоточки, пока он наблюдал за тем, как группка людей в форме направляется... Направляется к его столику!

Он заявит, что раскусил провокацию с самого начала, но решил подыграть! Что натура у него такая – авантюрная! И его бывшая супруга, Инна, подтвердит! Подтвердит, куда денется! Или скажет, что психически болен. Пусть у него психиатр какой-нибудь синдром Мюнхгаузена диагностирует. Или этой, как ее, Маты Хари! Хотя тогда его направят не на зону, а в закрытую психушку, что намного хуже!

Олег посмотрел на широкое окно и неуклюже рванул из-за стола. Бежать, конечно же, бежать! Со второго этажа на асфальт – авось повезет! И прочь отсюда, не нужны ему ни французские рестораны, ни фуршеты, ни тусовка в свете!

А люди в форме так близко! И один, подлинное чудо-юдо, направляется к нему!

– Эй, братан, стулья у тебя можно взять? – пробасило чудо-юдо. Олег не сразу понял, что нужно этому амбалу. И потом до него дошло – группка милиционеров заглянула сюда не для того, чтобы задержать его, ренегата, а чтобы перекусить! И им, сдвинувшим два стола, требовались дополнительные стулья!

Олег шумно выдохнул, чувствуя, что вспотел. Как будто кросс пробежал!

– Да, да, конечно, берите на здоровье! – заявил он несколько дрожащим голосом. Чудо-юдо подошло ближе, его уши покраснели, и Олег вдруг понял, что его собственная рука до сих пор сжимает спинку стула, который милиционер желал забрать себе.

Олег пихнул стул и ринулся к лестнице. Нет, не нужны ему никакие деньги! Это был знак свыше, что надобно остановиться. Ведь Рубикон он, конечно, уже перешел, но попытается вернуться!

На лестнице ему попала девица-уборщица. Олег попытался протиснуться мимо нее, но ничего не вышло – та загораживала ему выход. Олег предпринял еще одну попытку, девица дернулась, и в итоге на его пальто спланировали остатки томатного кетчупа, горчицы и майонеза.

Сатанея, Олег просто-напросто проорал ей в лицо:

– Дегенератка, идиотка, проститутка! Чего ты тут делаешь? Убирать надо так, чтобы людям не мешать! Это пальто знаешь сколько стоит? Ты за десять лет на новое не заработаешь! Пшла прочь!

Он уже был готов на полном серьезе отшвырнуть девушку в сторону, как дебильноватое выражение исчезло с ее лица, глаза девицы злобно сверкнули, и она негромко произнесла:

– Олег Валерьевич, возьмите себя в руки!

Олег выпучился на нее, не понимая, откуда эта особа с грязными тарелками и шваброй знает его имя и отчество. А девица продолжила:

– Вниз, на первый этаж, в мужской туалет. Последняя кабинка, около окна. Сесть на крышку унитаза и ждать.

Затем ее лицо снова приняло дебильноватое выражение, и девица принялась громко извиняться, подсовывая ему салфетки и пытаясь стряхнуть с пальто кетчуп и горчицу.

Олег внимательно посмотрел на девицу – что за актриса! Выходит, именно она и наблюдала за ним все это время? Он быстро взял себя в руки и сделал то, что ему было приказано: спустился на первый этаж, прошел в мужской туалет в последнюю кабинку. Занятно, что на двери туалета висела табличка: «Временно не работает. Просим вас воспользоваться туалетом на втором этаже». Наверняка проделки девицы-шпионки!

Олег некоторое время раздумывал, поглядывая на далеко не самую чистую крышку унитаза, следовать ли ему приказанию девицы, и решил, что надо следовать. Поэтому, протерев туалетной бумагой крышку – не хватало опять запачкать пальто! – Олег опустил на нее. Интересно, отчего они выбрали заведение для простой публики, неужели нельзя было встретиться в стильном ресторане или хотя бы новомодном коктейль-баре? И это ожидание на крышке унитаза в грязном туалете? Нет, похоже, все это делалось с одной целью – запугать его. Запугать и унижить. Показать, что он, предатель, готов на все, лишь бы заполучить свои тридцать серебряников. Ну и пусть, ведь деньги не пахнут!

Зато пахли остатки майонеза, кетчупа и горчицы, украсившие пальто. Олег стал остервенело стирать их туалетной бумагой, и тут дверца кабинки распахнулась. Олег забыл закрыть ее! Хотя закрывать ее или нет, четких приказаний от девицы не поступало.

На пороге стоял мальчик лет девяти-десяти, похожий, судя по одеянию и грязному личику, на попрошайку.

– Слепой, что ли, щенок! Не видишь – занято! – рявкнул на него Олег, желая закрыть дверь. Пацан же придержал ее локтем, сплюнул на пол через щелку между передними зубами и, протягивая руку, произнес прокурренным голосом:

– Куда, куда вы удалились, моей весны златые дни?

Олег вздрогнул – именно эта фраза, согласно инструкциям от *них*, и была кодовой. Тот, кто произнесет ее, – курьер его заказчиков! Однако посылать мальчишку-бродяжку – новое унижение, новая пощечина!

Олег вынул из внутреннего кармана свернутый вдвое конверт, помахал им перед носом мальчишки, и тот живо схватил его грязной пятерней.

– Вечером деньги, утром стулья! – заявил Олег.

– Чего? – не понял подросток, и Олег пояснил:

– Гони бабки, тупица! Ну, давай!

Мальчик провел тыльной стороной ладони под носом, а затем извлек из-за пазухи конверт. Олег возжелал схватить его, но ребенок оскалился:

– Дядя, мы тут не лохи! Велено сначала другой конверт взять!

Он бы мог скрутить подростка и вырвать у него конверт с деньгами, но делать этого Олег не стал. Кто знает, быть может, эти беспризорники с собой ножи таскают! И вообще, у него наверняка вши!

Олег подчинился и передал подростку конверт. Тот кинул на колени Олегу другой, который, судя по тяжести, был заполнен желанными дензнаками. Олег тотчас надорвал конверт – так и есть, пятисотенные евровые бумажки! Как и договаривались!

Подросток уже исчез, и, усиливаемый эхом, с другого конца туалета донеслось:

– И вот еще, дядя, тебе велено передать: если ты мне передал не то, о чем договаривались, или если там не полный комплект, то пеняй на себя! Будет очень больно!

Олег в негодовании раскрыл рот, чтобы возразить, но хлопнула дверь – мальчишка сбежал. Тогда Олег задвинул щеколду и, не вынимая купюры полностью из конверта, пересчитал их. Все сходилось: ему заплатили сто пятьдесят тысяч евро! Сто пятьдесят! За какую-то жалкую информацию тридцатилетней давности!

Вид денег привел Олега в отличное настроение. Он снова пересчитал их, вынул несколько бумажек наугад и проверил их на подлинность – вроде бы настоящие. Сто пятьдесят тысяч евро! Под ложечкой у Олега приятно заныло. Он вышел из кабинки, привел пальто у зеркала в более-менее божеский вид и вышел из туалета. И при этом едва не столкнулся на пороге с одним из милиционеров, что забрали у него лишние стулья.

Удивительно, но табличка о том, что туалет неисправен, с двери уже исчезла. Олег мысленно повторил сумму – сто пятьдесят тысяч евро! Триста – три сотни! – миленьких пятисотевровых бумажечек! Конечно, с евро в последние месяцы творилось что-то непонятное, но Олег был уверен: уж если евро рухнет, то рубль уж точно последует за ним! Поэтому лучше иметь западную валюту, нежели родимую «деревянную».

И все-таки: сто пятьдесят тысяч евро! Олег запустил руку во внутренний карман и в который раз нащупал конверт с деньгами. Их у него никто и никогда уже не заберет! Плохо только, что и эта сумма тоже быстро закончится. Он перебрал в уме возможные источники расходов – десять секунд, и ста пятидесяти тысяч как не бывало!

И все же, вернувшись в двухкомнатную холостяцкую квартиру на Мичуринском проспекте, Олег выложил деньги на паркетный пол в зале и долго ими любовался. Затем он проверил каждую купюру и пришел к выводу, что они подлинные. Попробовали бы эти подсунуть ему фальшивые!

Тут его озарило: если эти типы с такой легкостью выложили сто пятьдесят тысяч евро, то почему бы им не выложить и полмиллиона, и, скажем, миллион евро? Он бы мог продать им еще какую-либо требуемую информацию. Или информацию иного рода, которая тоже очень даже важна: информацию о том, что он заключил с ними сделку!

Если они купили у него архивные материалы, значит, последние чем-то важны. Раз они хранились в секретном архиве МИДа, то, следовательно, за этим кроется какая-то история. Остается только выяснить, какая. И сделать на этом настоящий бизнес!

Хотя нет, шантажировать этих типов не стоит. Они, без сомнения, опасны, очень опасны! Олег вспомнил фразу, адресованную ему мальчишкой-беспризорником. Будет очень больно! Да куда там! Он будет очень и очень осторожен!

Нет, как шантажировать, если не знаешь, с кем имеешь дело? Это могут быть и американцы, и китайцы, и мафия, и какой-нибудь доморощенный олигарх. При этой мысли Олег усмехнулся – если он продал секретные сведения не иностранным агентам, а представителям российского преступного мира, то, стало быть, никакой он и не предатель.

Значит, так: ему надо узнать, в чем заключается тайная сила этих секретных сведений, а потом выжать из этого по максимуму. Никого шантажировать он не намерен, но и упускать свой шанс тоже не станет. А в том, что это его шанс, Олег не сомневался.

На следующий день, в воскресенье, он отправился в закусочную-теремок. Его занимала блондинистая девица-уборщица. Но от управляющего он не получил удовлетворительного ответа – девица, оказалось, работала всего три дня, и в воскресенье тоже должна была работать, но не вышла. Мобильный не отвечал, а городской номер вообще не существовал.

Олег припомнил, что девица облила его кетчупом и майонезом, и пожелал потребовать с нее компенсацию, уверив при этом менеджера, что имеет претензии исключительно к уборщице, а не к закусочной.

Так как менеджер был в мыле из-за того, что уборщица не вышла на работу, а другая заболела, он с удовольствием сообщил Олегу все данные девицы.

Усевшись в свой серебристый «Лексус», Олег изучил ту скудную информацию, которая должна была вывести его к людям, заплатившим ему сто пятьдесят тысяч евро за пустяковые, по его разумению, сведения. Нет, шантажировать их он не будет, но постарается понять, для чего им эти сведения нужны. Тогда он и сам загонит их подороже – кому-то иному!

Девицу звали Анастасией Николаевной Романовой – Олег непроизвольно хмыкнул. А шпионы с чувством юмора! Их представительница назвалась так же, как и дочь последнего самодержца, та самая, под именем которой потом по всему миру промышляли разнообразные аферистки и мошенницы.

Проживала сия «великая княжна» в Южном Бутове – узнав это, Олег непроизвольно поморщился. Никогда там не бывал и бывать, собственно, не собирался, но судьба распорядилась иначе. Поэтому отправился в воскресный день навестить эту самую госпожу Романову. Но до этого, не удержавшись, он набрал номер мобильного телефона этой особы. Но вместо гудков раздались странные звуки, металлический скрежет и стук, после чего связь оборвалась. Естественно, чего он ожидал – неужели к телефону подошла бы эта белобрысая кикимора?

Олег был далеко не дурак и понимал, что по указанному адресу Анастасию Романову не застанет. Каково же было его удивление, когда, забравшись на последний этаж шестнадцатизэтажного дома и минут пять, если не все десять, отзвонив в дверь, он все же услышал медленные шаги. Дверь распахнулась, и он увидел перед собой полную девицу в замызганном тренировочном костюме некогда синего цвета и с нечесаными каштановыми волосами. Глаза у девицы были закрыты. От нее явно разило спиртным.

– Давай! – просипела она и протянула к Олегу руку с обгрызенными ногтями.

– Что давать? – не понял Олег, а девица распахнула глаза и соизволила, наконец, взглянуть на Олега.

– Мужик, тебе чего надо? – спросила она грубо. – А где Толян? Где бутылка? Он же обещал сбегать и принести!

– Бутылка, смею предположить, там же, где и Толян! – процедил Олег. – Вы знакомы с Анастасией Николаевной Романовой?

Он был уверен, что девица ответит отрицательно, но вместо этого та икнула и заявила:

– Ну, предположим, знакома! А тебе, мужик, чего?

– Предположим или знакомы? – оборвал ее Олег. Девица же окинула его дорогое пальто оценивающим взглядом, хитро прищурилась и сказала:

– Если хочешь информацию, гони пять тысяч!

В итоге сошлись на полтора. После того как купюры перекечевали в карман необъятных треников, девица кокетливо поправила свои сальные локоны и спросила:

– А Анастасия Николаевна тебе зачем?

– По делу! Важному! – отрезал Олег, после чего девица надулась и заметила:

– Ну, тогда снова деньги гони! Десять тысяч! И на этот раз никакой скидки, мужик!
Олег скривил губы и брезгливо заметил:

– Давай говори, где сейчас эта Романова! Ты от меня уже получила! И больше не перепадет, можешь и не надеяться!

Девушка почесала тройной подбородок и со вздохом сказала:

– Ну, Анастасия Романова – это я!

Олег вышел из себя. Эта особа решила на нем подзаработать! Ну уж нет! Он вытащил из кармана ксерокопию паспорта Романовой, которую получил от хозяина закуской.

– Вы, однако, ничуть с ней не похожи! – заявил он. – Говори, где Романова!

Увидев фотокопию паспорта, девушка оживилась. И попыталась даже схватить ее, но Олег толкнул девушку в грудь и спрятал ксерокопию в карман пальто.

– Мать честная, это же мой паспорт! Клянусь, мужик, мой! У меня его в магазине сперли! Месяца четыре назад! Что, не веришь? Какая там дата рождения? 21 ноября 1986 года? А номер сказать? Я наизусть помню!

Дата рождения оказалась верной. И номер паспорта тоже сошелся – для алкоголички госпожа Романова обладала отменной памятью. Олег понял: он пошел по заведомо ложному следу. Паспорт настоящий, вот только Анастасия Романова фальшивая. Но что еще, собственно, можно было ожидать от «великой княжны»?

Добиться сколько бы то ни было связного рассказа о том, как именно у Романовой был украден паспорт, Олег не смог. А тут, как назло, появился еще и тот самый Толян, без бутылки, но с синяком под глазом. Заметив Олега, он полез на него с кулаками, заподозрив, что тот пытается отбить у него его любимую Настеньку. Нокаутировав пьянчужку, Олег быстро спустился по лестнице, вышел из подъезда и уселся в свой автомобиль.

Наивно было полагать, что он найдет эту самую Романову! Вернее, он нашел, но не ту. А где же та девушка, чья фотография была вклеена в украденный паспорт? Он вынул ксерокопию из кармана пальто и принялся рассматривать фотографию этой особы.

По лобовому стеклу кто-то постучал. Олег вздрогнул от неожиданности и заметил пожилую женщину в черной куртке и с постным выражением лица. Олег отрицательно покачал головой. Вот ведь попрошайки обнаглели! Он посмотрел на фотокопию, и тут снова раздался стук. Олег распахнул дверцу и заявил:

– Эй, уважаемая, уймись! Иначе полицию вызову!

Но старушенция ретироваться и не собиралась. Нахмутив косматые брови, она заявила:

– Вам требуется информация? В том числе о Настькином паспорте? Получите, но пятнадцать тысяч. Наличными!

Заметив недоуменный взгляд Олега, особа пояснила:

– Я соседка по лестничной клетке этой пьянчужки. Поэтому слышала, как вы сначала в дверь трезвонили, а потом в общем коридоре с ней беседы вели!

– И откуда же у вас сведения об украденном паспорте? – спросил резко Олег, а бабка кратко ответила:

– Оттуда!

Оттуда – оказалось, с зоны. Нет, соседка Анастасии Романовой сама не сидела, а находилась по обратную сторону решетки – она была надзирательницей. А выйдя на пенсию, скрашивала свой досуг тем, что шпионила за соседями и строчила на них жалобы. Особа, звавшаяся Валентиной Ивановной, поведала следующее: в их микрорайоне в последние месяцы у местных поклонников зеленого змия стали исчезать паспорта. И, как установила бдительная Валентина Ивановна, в основном после или во время похода в магазин ликеро-водочной продукции, располагавшийся в соседнем квартале. Так как паспорта исчезали у пьянчужек, то никто этими происшествиями не интересовался. Никто, кроме Валентины Ивановны.

Поведав это, она развернулась и пошла прочь. Олег, чувствуя, что бабка не врет и может ему помочь, бросился за ней.

– Куда же вы! – заявил он. А Валентина Ивановна отрезала:

– Домой! Время сказок закончилось! Или плати, или больше ничего не услышишь!

Олег быстро вручил требуемую сумму, и южнобутовская Шахерезада продолжила свой рассказ. Олег даже предложил ей занять место в автомобиле, хотя ему не очень-то хотелось, чтобы пропахшая кошачьей мочой старуха усаживалась на кожаное сиденье его «Лексуса».

Валентина Ивановна, с мужем давно разведшаяся и детей не имевшая, жившая с пятью котами, была проницательной особой. И сразу сообразила – паспорта исчезают не просто так. Потому что о таких трюках слышала еще давно, когда работала на зоне. Именно таким образом представители преступного мира заполучали чистые и, что важнее всего, подлинные паспорта.

У Валентины Ивановны имелся боцманский бинокль, а также стратегически важное место на кухне – оттуда хорошо просматривались подъезды к винному магазину. И она принялась наблюдать. Через некоторое время ее усердие было вознаграждено – она заметила черную «БМВ», которая по вечерам, раза два в неделю, подъезжала к магазину в вечерние часы. Благо что над входом горел фонарь и можно было рассмотреть все в деталях.

Каково же было удивление Валентины Ивановны, когда она распознала в особе, облаченной в дорожное белое пальто с неведомым серебристым мехом, свою бывшую подопечную! Память на лица у бывшей надзирательницы была отменная, и она заявила, что помнит наперечет всех тысяч эчек, с которыми имела дело на протяжении своей работы на зоне.

Тут Валентина Ивановна распахнула дверь Олегова автомобиля и заковыляла к дому. Олег нагнал ее и потребовал назвать имя эчки, но Валентина Ивановна лишь хитро улыбнулась.

– А вот за это надо будет платить отдельно! Десять тысяч!

Олег с готовностью протянул ей купюру, но Валентина Ивановна презрительно бросила:

– Не рублей! Евро!

От такой наглости Олег потерял дар речи. А когда пришел в себя, попробовал сбить цену, но старуха стояла на своем. Пришлось наведаться в то место, где он держал деньги. Скрепя сердце, Олег отсчитал двадцать купюр по пятьсот евро и, взяв на следующий день больничный, вместо того чтобы отправиться на работу, поехал к Валентине Ивановне.

Та трижды пересчитала деньги, тщательно проверив каждую банкноту, а затем выпроводила Олега на лестничную клетку. Там он прохлаждался около пяти минут, затем старуха милостиво разрешила ему вернуться в квартиру. Наверняка она прятала деньги, понял Олег, и боялась, что он подсмотрит, куда. Больно ему надо! Потому что скоро для него десять тысяч евро станут сущим пустяком!

– Ветчинкина Марина Геннадьевна! – отчеканила старуха. – Отбывала наказание за ограбление, пособничество в разбое и скупку краденого. Когда-то училась в театральном, именно там и попала на своей первой краже. Так что отправилась она не на сцену, а на нары! Стерва еще та. Была стукачкой и любила издеваться над новенькими. И всегда у меня было подозрение, что она была замешана в чем-то более мерзком, например, убийстве, возможно даже, и не одним.

Жаль, что старуха не разглядела номер автомобиля – тот стоял так, что не было видно. Зато Валентина Ивановна в подробностях описала водителя, ибо приезжала Ветчинкина не одна: красная рожа, у правого уха отсутствует мочка, наверняка в драке кто-то ножом отрезал, курит сигареты одну за одной.

Окрыленный полученными сведениями, Олег даже поблагодарил старуху и покинул ее обитель. А затем сразу же обратился к знакомому из МВД с просьбой пробить эту самую Ветчинкину по своим каналам.

Весь день Олег изнывал от нетерпения, и наконец раздался долгожданный звонок: сведения, полученные от Валентины Ивановны, подтвердились. Более того, по электронной почте Олег получил краткое досье на Ветчинкину. Так и есть, с фотографии на него смотрело знакомое ему лицо – прическа была иная, но это была она, уборщица-неряха из «теремка»!

Отмотав два срока, Ветчинкина растворилась на необъятных просторах нашей родины. Где она пребывала в настоящее время, никто сказать не мог. Однако имелись сведения, что она была связана с одной из подмосковных криминальных группировок.

Олег некоторое время размышлял над тем, как ему поступить. Связываться с бандитами и отморозками ему не хотелось. Но и упускать свой куш тоже. А тут позвонил менеджер «теремка», сообщивший, что объявилась Анастасия Романова, она же Марина Ветчинкина, сообщившая, что работать у него больше не будет. И заодно поинтересовалась, не спрашивал ли ее кто-либо. Еще до того, как менеджер успел пропесочить ее и заявить, что она уволена, Романова-Ветчинкина, понимая, что ничего от него не добьется, повесила трубку.

Олег тотчас полетел на авто в «теремок», где подверг взмыленного менеджера подобию допроса с пристрастием. А потом потребовал, чтобы тот показал ему свой мобильный, дабы узнать, с какого номера звонила Ветчинкина. Оказалось, что номер при звонке не определился.

Походив около «теремка», Олег уселся в автомобиль и поехал домой. Остановившись на светофоре, он задумался и понял, что Романова, она же Ветчинкина, звонила явно не для того, чтобы уведомить менеджера о своем увольнении, а чтобы узнать, не спрашивал ли кто-либо о ней! Откуда она могла узнать, что кто-то ею интересуется? Олег похолодел, но тут зажегся зеленый свет.

Чуть повернув голову, Олег увидел на обочине группку подростков – и окаменел. Тот, что шел у самой трассы, был тем самым пацаном, который принес ему деньги в туалет «теремка»! Напрочь игнорируя правила дорожного движения, Олег развернулся и подкатил к обочине. Не заглушая мотор, Олег распахнул дверь и вывалился наружу. И по реакции пацана понял, что тот узнал его!

Мальчишка, вжав голову, что-то шепнул своим товарищам, и они бросились в разные стороны. Тот пацан, который требовался Олегу, ловко залавировал между автомобилями, перебираясь на противоположную сторону трассы.

Рискуя жизнью, Олег бросился за ним. Автомобили отчаянно сигналили, его чуть было не сбили, но Олегу хотелось одного: добраться до юного мерзавца! Мальчишка был юркий, но щуплый, а Олег три раза в неделю ходил в элитную фитнес-студию.

Пацан кубарем скатился по склону оврага и – пропал. Его голова больше не мелькала среди кустов. Олег замер, прислушиваясь. Так и есть, легкое шебуршание всего в нескольких метрах! Олег изловчился, прыгнул – и подмял под себя мальчишку, сжимавшего в руке увесистую ветку, которой, в этом Олег не сомневался, тот намеревался заехать своему преследователю по голове или между ног!

Мальчишка походил на волчонка, брыкался, пытался укусить Олега, подвывал. Но Олег быстро совладал с ним, схватил ребенка за горло и, усиливая с каждым мгновением хватку, прошептал:

– Рассказывай, что знаешь, заморыш! Иначе тебе живым из этого оврага не выбраться!

Из глаз мальчика хлынули слезы, и Олег отпустил его горло. Нет, ему не было жаль волчонка, но не хотелось, чтобы тот окочился до того, как сообщит требуемые сведения.

– Я ничего не знаю... – захныкал тот. – Дядя, отпусти! Сейчас сюда моя «крыша» нагрянет, они тебя живо в фарш превратят!

Олег снова схватил ребенка за горло. Не может быть, чтобы этот паршивец стоял между ним и кучей бабок!

– Нет у тебя никакой «крыши», щенок! Зато могу организовать тебе могилу, прямо здесь, в овраге! Итак, говори: кто тебя нанял?

– Му... Мужик... – закашлялся подросток, когда Олег расцепил пальцы. – На черной «бээмвухе» прикатил... У него еще ухо было такое диковинное, отрезанное, что ли...

Да, пацан говорил правду! Придавив ребенка коленкой к земле, Олег быстро спросил:

– Что велели сделать?

– Ну че вы спрашиваете, знаете же... Ой, больно! Ну, взять конверт, прийти в сортир, отдать мужику, сидящему в последней кабинке. И слова сказать о том, что будет больно, если он намухлевал... Все, больше ничего не знаю!

Олег наотмашь ударил ребенка по лицу и процедил:

– Это тебе сейчас будет очень больно, сопляк! По лицу вижу, что врешь! Номер автомобиля запомнил?

– Нет, нет, что вы! – залепетал пацан, и Олег угрожающе поднял с земли булыжник. Заметив это, мальчик просипел:

– Ну, запомнил! Только мне этот, с ухом, сказал напоследок, что все, что я видел, должен забыть! Иначе мне конец!

Олег усмехнулся:

– Выбирай, салажонок: или сейчас конец, или позже! Давай, говори номер!

Мальчик назвал. Олег заставил его дважды повторить – нет, вроде бы не сочиняет.

– Отпустите меня... – заныл ребенок, и Олег призадумался, что же делать с мальчишкой. Конечно, убивать он его не собирался, но ведь юный мерзавец может проболтаться!

В этот момент мимо Олегова виска просвистело что-то увесистое. А потом что-то ударило в бок. Это кореша попрошайки обстреливали его бутылками и камнями! Олег на секунду отвлекся, и змееныш вывернулся, ударил ему ногой в пах и дал деру. Олег повалился на траву, корчась от боли. Вот ведь гаденыш!

– Дядя, ты лучше за своей тачкой смотрел бы! – раздался из-за кустов детский гогот. Олег выругался и вспомнил: так и есть, свой обожаемый «Лексус» он оставил на обочине – открытым! С ключами в замке зажигания!

Олег опрометью бросился обратно к трассе. И заметил полыхающий каркас – это был его автомобиль. А подростки, находящиеся на безопасном расстоянии, показывали ему средний палец, корчили рожи и сыпали в его сторону виртуозными матерными ругательствами.

Домой Олег попал уже ночью – продрогший, злой, как черт, и ужасно голодный. От новенького «Лексуса» остался черный остов, и ничего более. Чертовы беспризорники щедро полили его авто и снаружи и внутри спиртом и подожгли.

Олег подумал о ста пятидесяти, нет, теперь уже о ста сорока тысячах евро, хранившихся в надежном месте. Денег у него хватит и на новый автомобиль, и даже покруче несчастного «Лексуса», но крайне неприятен был сам факт!

Ему так и хотелось добраться до подростков – и в этот раз его рука с булыжником в кулаке не дрогнула бы! Ничего, этих щенков он проучит, причем так, что они запомнят на всю жизнь! Однако Олег отложил планы мести на некоторое время.

Полиции он, конечно же, ничего не сообщил об истинной подоплеке происшествия. И даже описания бездомных дал неверные. Потому что ему не хотелось, чтобы мальчишек поймали, тогда ведь и история о randevу в туалете «теремка» может выйти наружу. Поэтому Олег уверил стражей порядка, что ему внезапно стало плохо, он съехал на обочину, ушел в лесополосу, а когда вернулся, то увидел горящий автомобиль.

Взяв на работе больничный до конца недели, Олег задействовал другого своего знакомого, и тот быстро установил, на чье имя зарегистрирован черный автомобиль марки «БМВ». Оказалось, что его владельцем является некий Яровой Сергей Андреевич, тридцати одного года от роду, четыре раза побывавший в местах не столь отдаленных.

Заполучив по своим каналам досье на Ярового, Олег остался доволен: это был тот самый тип с красным лицом и изуродованным ухом. И этот самый Яровой являлся членом той самой подмосковной преступной группировки, к которой, по слухам, принадлежала и канувшая в воду Ветчинкина.

Дальше все было просто – задействовав еще парочку знакомых, Олег многое узнал о прошлом и настоящем Ярового, а также то, что в последнее время он занимается бизнесом в Зеленограде: там у Ярового был свой ресторан, а также несколько магазинов.

Так как собственный автомобиль пал жертвой юных попрошаек, Олег взял напрокат неприметный черный «Фольксваген-Гольф» и отправился в Зеленоград. Полоса неудач закончилась, и фортуна улыбнулась Олегу – оказавшись около ресторана Ярового, он увидел черную «БМВ». А затем, через несколько минут, и самого Ярового, выходявшего из ресторана – в сопровождении Марины Ветчинкиной.

Да, это была она, вне всяких сомнений! Но как разительно она переменялась – из уборщицы закусочной превратилась в вальяжную богатую даму, любовницу местного мафиози! Олег вспомнил, что Ветчинкина училась когда-то в театральном. Что ж, Греты Гарбо из нее не вышло, пришлось переквалифицироваться в Маринку-разбойницу!

Олег нашел ее, и Ветчинкина могла вывести на своих заказчиков. Только вот как развязать ей язык? Олег размышлял над этим некоторое время и пришел к выводу – надо будет похитить эту самую Ветчинкину и убедить ее поведать ему всю правду. Задумка непростая, но осуществимая. Только тогда надо позаботиться сразу и о Яровом, ведь он бросится по следу своей исчезнувшей подружки. Значит, придется убрать их обоих – с тем, что Марине больше не жить после того, как она расскажет ему все, что знает, Олег уже смирился.

Весь обратный путь до Москвы Олег продумывал план похищения. Ветчинкина – еще та стерва, как сказала надзирательница Валентина Ивановна. Значит, просто так ничего не расскажет. Придется применить силу. Или, лучше всего, развязывающие язык медикаменты. Олег уже сообразил, кто из его знакомых поможет достать данные запрещенные препараты.

Над планом он работал весь вечер и остался им доволен. Конечно, кровавадно, но что поделать! Ведь если речь идет о том, чтобы срубить бабки по-настоящему, нельзя пускать нюни. Олег случайно посмотрел на себя в зеркало – черт побери, он разрабатывает способ убийства двух человек, мужчины и женщины, а женщину перед смертью хочет подвергнуть пыткам! И это он, Олег Дергушинский, большой поклонник Дали и Шнитке?

Олег улыбнулся своему отражению. Нет, он же не маньяк какой-нибудь, в конце концов! Он убивает не потому, что ему это доставляет удовольствие. Он убивает, потому что это принесет ему деньги. Похоже, миллионом евро дело не ограничится.

Составив список того, что ему требуется для похищения Марины, Олег принялся размышлять над тем, как избавиться от трупов. Яровой и Ветчинкина должны просто исчезнуть – и все тут! Их никто и никогда больше не увидит. Единственная возможность – сжечь тела, причем так, чтобы и костей не осталось. Хотя, конечно, можно и с кислотой поработать, но первый вариант Олегу казался предпочтительным. Только где жечь, не на даче же костер разводить?

Конечно, завод по уничтожению мусора! То, что попадет в эти мощные топки, покинет их в виде мелкого пепла и дыма. Вот и все, что останется от Ярового и Ветчинкиной. Идея показалась Олегу замечательной, и он откупорил бутылку «Шардоне».

Убивать, конечно, великий грех, но в загробную жизнь Олег не верил и кары за преступления не боялся. А вот когда у него будет много-премного денег, он сможет осуществить свои самые заветные и развратные желания...

Его воображение заработало с утроенной силой. И в этот момент раздался звонок в дверь. Олег никого не ждал. Часы показывали половину одиннадцатого вечера. Звонок повторился, причем это был не звонок домофона, а звонок в квартиру – значит, кто-то стоит не на улице, а топчется на коврике, с обратной стороны входной двери!

Олег подошел к двери и заглянул в глазок. Никого. И снова звонок.

– Да открывайте же! – раздался взволнованный женский голос. – Мы ваши соседи с нижнего этажа! У нас потолок вот-вот обвалится, от вас вода потоками течет!

– Ничего у меня не течет! – заявил Олег, раздосадованный тем, что явление какой-то кулемы нарушило приятное течение его мыслей.

– Как хотите! – заявила женщина из-за двери. – Тогда я вызываю милицию! То есть полицию! И пусть они с вами разбираются! Мы только ремонт сделали! У нас секретер орехового дерева с перламутром первой трети девятнадцатого века водой заливают! Знаете, сколько он стоит? Мы вам такой иск вчиним!

Олег вспомнил – в самом деле, некоторое время назад в квартиру под ним въехали какие-то новые личности. Олег проверил ванную и кухню, но все краны были закрыты. Он подошел к двери и услышал женский голос:

– Да, да! Прошу вас немедленно к нам приехать! И разобраться с соседом! Диктую адрес...

Только визита полиции ему не хватало! Нет, надо успокоить эту чертову истеричку! И сделать так, чтобы она немедленно прервала звонок по мобильному!

Олег Дергушинский отомкнул три замка и снял стальную цепочку. А затем открыл дверь. Он и не подозревал, что это было последним, что довелось ему сделать в его далеко не безгрешной жизни.

Егор

– И теперь ты понимаешь, как нужно работать? – вальяжно произнес Федор Крылов, главный редактор желтой-прежелтой столичной газетенки «Бульвар-Экспресс», и снисхождением взглянул на щуплого, облаченного в слишком широкие джинсы, слишком яркую майку и слишком большие кеды молодого человека, сидевшего напротив него.

Тот – звали его Егором Шишаковым – с обожанием посмотрел на своего начальника и по совместительству двоюродного брата. За прошедшие несколько лет Федор так много всего достиг! И совершил такой взлет по карьерной лестнице! Просто невероятно! Теперь он главный редактор такой крутой газеты! И женат на такой красивой девушке! И так много получает! И почти со всеми в московской тусовке на «ты»!

Надо сказать, что Егор, несмотря на то, что был младше своего двоюродного брата на семь лет, помнил его иным. И положения у брата тогда не было, и дохода, и знакомых. И намекающегося небольшого пузика, кстати, тоже. Был Федор безызвестным журналистом одной из желтых малотиражек, сочинял насквозь лживые, но столь нравящиеся незатейливому читателю истории про аллигаторов в столичной канализации и предстоящий в следующем году (ну, или через пять лет!) очередной конец света.

Но эти времена ушли в прошлое, ведь Федор вдруг оказался замешанным то в одну, то в другую историю, одна чуднее другой. И дела у него пошли на лад. Стал заместителем главного редактора. А потом и главным. И тираж газеты вдруг резко вырос. И свой интернет-портал появился. И, главное, неведомые спонсоры, говорят, наследница одного из почивших в Бозе олигархов!

Егору тоже хотелось быть таким. Поэтому он прыгал от радости, когда Федор взял его внештатным корреспондентом. Егору все хотелось доказать коллегам, Федору и, главное, самому себе, что не в связях дело, что и он не хуже своего легендарного родственника, что дело не в протекции, а в его журналистском таланте.

И вот доказал: истории, конечно, классные, Федор так хвалил, так хвалил! А в итоге три иска от трех «звезд». И, главное, доказательства того, что Егор все выдумал, от первого до последнего слова!

Тяжелее всего было признаться в этом Федору, ведь твердил же на планерках, что «имеются конфиденциальные источники». Даже интервью с ними подделал и сам, через шерстяной носок, дабы голос изменить, наговорил на диктофон всяких жареных глупостей, которые потом, в еще более разухабистом и идиотском виде, появились на первой полосе «Бульвар-Экспресс».

И о Егоре немедленно заговорили, назвали «наиболее талантливым молодым пером года», хотели даже премию дать. Не вышло. Мало того, что всех обманул, так еще оказался пойманным с поличным! И это угнетало Егора больше всего.

– Понимаю! – проговорил унылым тоном Егор, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы. Не хватало еще зареветь – ему, парню двадцати трех лет! И что из того, что его многие за подростка принимают – невысокий, юркий, с рыжим чубом и конопатым лицом. Рыжик! Плохо только, что на таких, как он, длинноногие красавицы внимания не обращают. Или только если ты известный журналист! Но до этого было далеко, ой как далеко...

Зазвонил телефон – на проводе была Маша, жена Федора. Тот несколько минут нежно почирикал с ней, а когда беседа завершилась, переключился на Егора.

– Вот что, Егорка, – сказал он. – С адвокатами наших обиженных «звезд» договоримся, не проблема. Тем самым паблисити требуется. Однако тебе пока надо залечь на дно. Потому что одна из «звезд» требует, чтобы мы тебя уволили. Вернее, не она сама, а ее внучек, который супер-пупер-важная шишка в президентской администрации. А с этой структурой, сам понимаешь, шутить опасно. Не понравилось его любимой бабуле, что ты выдал ее настоящий возраст...

– Так я же все сочинил! – изумился Егор, а Федор снисходительно усмехнулся:

– И попал пальцем в небо! Нашей вечно юной пенсионерке официально пятьдесят семь, неофициально шестьдесят шесть, совсем неофициально шестьдесят девять, а согласно имеющемуся у нее свидетельству о рождении – семьдесят один. А ты написал, что семьдесят три. Так оно и есть! Бабка еще при Брежневе, который ее обожал, подсуетилась, сделала себе по благу новое свидетельство о рождении. А ты, навывдумывав всякой ерунды, случайно угадал настоящее число! Респект, Рыжик!

Егор поморщился – это детсадовское прозвище уже давно сидело у него в печенках. Хуже всего, что и девушки, прознав об этом прозвище, только его и использовали. Рыжик – можно подумать, кот или хомяк какой! Смех, да и только!

Снова зазвонил мобильный Федора, на этот раз не тот, что в первый раз. Федор залился румянцем, в панике взглянул на дисплей, быстро принял звонок и отрывисто сказал:

– Я перезвоню вам через пять минут, Кирилл Алексеевич!

Краем уха Егор услышал, что у Кирилла Алексеевича женский голос. Неужели Федор изменяет Маше?

– Информантка! – заявил Крылов, нервно поигрывая с мобильным. – Вернее, информант! Ценные сведения о... Ну об этом... Как его бишь...

Внезапно рассердившись, видимо, потому, что ничего путного в голову быстро не лезло, Федор пролаял:

– И вообще, Рыжик, иди и занимайся пока третьестепенными делами! Полгода будешь писать только правду! Вот это, понимаю, кара! Но надо же президентскую администрацию задобрить! Иди поищи какие-нибудь занятные или кровавые, а, лучше всего, одновременно занятные и кровавые происшествия! Только все твои статьи я буду редактировать! Лично! Ну, иди, иди!

Егор выскользнул из кабинета своего могущественного кузена. Мило улыбнулся секретарше Федора, со скоростью звука стучащей по клавиатуре, поправил рыжий вихор и присел, делая вид, что завязывает шнурок одной из кед. А на самом деле Рыжик прислушивался к разговору Федора. Ведь дверь он оставил приоткрытой, а слух у Егора был отменный.

– Деточка, это я звоню! – услышал он сюсюкающий голос Федора. – Извини, что не мог сразу ответить, пришлось одного нерадивого журналистика распекать! Как у моей деточки делишечки?

Егор почувствовал приступ тошноты – у Федора все есть: и положение, и деньги, и красавица-жена, и дочка-подросток (неродная), и сын-младенец (родной). И все равно он завел себе пассиву на стороне! Что будет с Машей, когда она узнает?

Рыжик отправился за свой письменный стол и бухнулся на вертящееся кресло. А затем, по привычке, стал накручивать на указательный палец правой руки свой рыжий чуб, одновременно с этим вертясь в кресле. Нет, вмешиваться в личную жизнь Федора и Маши он не будет. Хотя Машку жаль – если бы она была его собственной женой, он бы ее на руках носил! И на кого Федька ее променял? Наверняка на молодую пустышку с огромным силиконовым бюстом и целлулоидным смехом. Вкус у Крылова был и остался рабоче-крестьянским.

Если он скажет всю правду Маше, и Федор об этом узнает, то с журналистской карьерой можно завязывать. Такого Крылов ему никогда не простит. А сможет ли он сам себе простить, что не вмешался и не открыл Маше глаза на похождения ее любвеобильного супруга? И почему он это думает все время о Маше?

Егор все сильнее и сильнее крутился в кресле, так что, наконец, вместе с креслом полетел на пол.

– Рыжик, живой? – послышалось сразу несколько женских голосов, и коллеги по редакции ринулись ему на помощь. Ему предложили на выбор бесцветный йод, таблетку аспирина и непрямой массаж сердца.

Так и есть, Рыжик! Для всех он – Рыжик! И ладно бы они его в постели звали Рыжилом, так нет, для всех он младший брат, друг сердечный, товарищ! Даже для тех девиц, что его возраста или даже младше!

Отказавшись от помощи сердобольных редакторш, Егор снова взгромоздился на кресло. Похоже, падение пошло ему на пользу. Падение яблока помогло Ньютону открыть всемирный закон тяготения, а падение кресла помогло ему, Егору Шишакову, открыть всемирный закон семейного счастья. Нечего вмешиваться в чужие дела, сами разберутся!

Похоже, Федор начал терять хватку. Ему всего чуть за тридцать, а уже превратился в ленивого и пресыщенного столичной жизнью увальня. А молодое поколение, юные гении пера и клавиатуры, не дремлют!

Егор принял решение – пусть в любви не везет, тогда должно повезти в карьере! Хотя ему, похоже, не везло ни в том, ни в другом! Ничего, надо просто упорно работать, и тогда все само собой придет! И журналистская слава, и девичья любовь!

Значит, ему требовалась сенсация! Но, что было самым важным и самым сложным, сенсация не дутая, сенсация не фальшивая, не согласованная с главным героем этой самой сенсации сенсация, а сенсация настоящая! Сногсшибательная! И, что еще важнее, такая, которую не только в желтой газетенке напечатают, но и в серьезных газетах. И не только по России, но и по всему миру! Но где ж такую взять?

Егор залез в Интернет и стал внимательно изучать сводки происшествий, решив ограничиться Москвой. Нет, на весь мир его не хватит. Достаточно и российской столицы. Федор вон как неплохо пристроился, так почему же ему нельзя?

Часа через три от энтузиазма не осталось и следа. Сенсации были жиденькие, никаковские. Оставался проверенный опытом путь – сочинить сенсацию! Не то чтобы совсем сочинить, взять за основу реальное событие, но приукрасить, видоизменить, присочинить...

Но такой сенсации Рыжику не хотелось. А где же взять иную? Ведь сенсации, настоящие сенсации, сенсации мирового – ну, или хотя бы локального, масштаба, – подобны бриллиантам и на дороге не валяются.

Бриллианты на дороге... Фантазия Егора заработала. Итак, предположим, что жена... Он подумал о жене Федора. Нет, любовница олигарха получила от одного в подарок исторический бриллиант весом в... Девяносто два и три четверти карата. Да, такая точность в каратах придает истории правдоподобность. Осталось выдумать историю бриллианта и прикинуть, сколько он может стоить, хотя бы примерно. Так, с историей просто – от Клеопатры до Екатерины Великой, от Мэрилин Монро до любовницы олигарха... И конечно же – название для драгоценного камня! Как бы его назвать, как бы его назвать...

– Рыжик! – голос вывел Егора из творческого транса, в котором он пребывал, забравшись с ногами на вертящееся кресло. Молодой человек вытаращился на одну из редакторш, нависшую над ним, и пробормотал:

– Рыжик? Нет, название для исторического бриллианта совсем неподходящее!

– Рыжик! Телефон! – заявила редакторша и всунула в руку Егору его же собственный мобильный, который, светясь и надрываясь, уже, видимо, некоторое время старался привлечь к себе внимание владельца.

– Ну бери же, а то другим работать не даешь! – промолвила редакторша.

Егор принял звонок, хотя более всего ему хотелось приняться за историю с бриллиантом, валяющимся на дороге, убитой любовницей олигарха (никакого яда, кровь, море крови!) и таинственным похитителем драгоценностей.

– Егор Антонович, добрый день! – слышался глубокий бас. – Искренне надеюсь, что не отрываю вас от интеллектуального труда?

Егором Антоновичем Рыжика называло не так уж много знакомых, вернее даже, никто. Но голос Егор узнал сразу же – это был Борис Борисович Жнец, заведующий патолого-анатомическим отделением одной из московских больниц. Борис Борисович был одним из информантов Егора, который успел обзавестись знакомствами среди работников ключевых профессий.

– Рад вас слышать, Борис Борисыч! – сказал Егор несколько фальшиво. Патологоанатом расхохотался:

– Егор Антонович, редко, крайне редко мне приходится внимать подобную фразу! Такая уж профессия, приходится мириться с неизбежными минусами! Однако перейду сразу к делу – у меня имеется любопытный покойничек. Не желаете ли подъехать и взглянуть?

Если Борис Борисович звонил и говорил, что у него имеется любопытный покойничек, это значило, что за этим могло скрываться нечто крайне занятное. По пустякам Жнец никогда не беспокоил, мзду за свои услуги не брал и давал Егору, которого считал мастером пера, читать свои крайне длинные и ужасно нудные, отпечатанные на старенькой пишущей машинке опусы в подражание «Запискам молодого врача» Булгакова – в надежде, что Егор распознает в них гениальную прозу и поможет автору стать знаменитым.

Писателем он был никудышным, а вот патологоанатомом – гениальным. Поэтому Егор быстро отложил сочинение насквозь фальшивого опуса об историческом бриллианте и любовнице олигарха и направился в больницу, где работал Борис Борисович.

Мрачные своды патолого-анатомического отделения навевали скорбные мысли, и Егор даже поежился, подумав, что не хотел бы оказаться ночью один в мертвецкой. Слава богу, что был день и в морге кипела работа.

Борис Борисович Жнец – высокий статный мужчина с окладистой смоляной, уже начинающей седеть бородой – встретил его радостным восклицанием. Еще бы, Егор был для него представителем недостижимого журналистского мира. А Рыжик и не говорил ему, что является в этом недостижимом мире всего лишь подмастерьем.

Борис Борисович тотчас завел речь о своем новом рассказе и даже предложил Егору просмотреть рукопись, но тот деловито перевел беседу на «любопытного покойничка». Жнец хлопнул себя по лбу лапищей и заявил:

– Ну конечно же, Егор Антонович! Ведь я сам вас попросил заехать! Надеюсь, не отвлек от важных дел?

– Ну, как сказать... – протянул Егор. – Однако сенсационная статья может и подождать! Давайте, показывайте вашего покойника!

Борис Борисович провел его в просторное помещение, выложенное кафельной плиткой бирюзового цвета. В помещении было пронизывающе холодно, виднелись металлические столы, на которых лежали покойники. Егор быстро отвел глаза. Неужели любой и каждый окажется когда-то на таком столе?

– Так вот, уважаемый Егор Антонович, работа ведь у меня жутко интересная! Вернее, и жуткая, и интересная. И главное, дает такой простор для полета фантазии и изобретения сюжетов! Но не строчить же детективы, как это все сейчас делают! Нет, я поклонник серьезной литературы...

Егор подумал, что Борис Борисович вполне бы мог ваять криминальные романы или триллеры с медицинским или патолого-анатомическим уклоном. С его-то опытом и познаниями романы получались бы наверняка захватывающие. Он уже несколько раз намекал на это Жнецу, но тот каждый раз с гневом отвергал эту идею: он-де не собирается растрачивать свой талант впустую!

– И вот что я вам скажу, уважаемый Егор Антонович, – ни один автор, даже с самой буйной фантазией, не изобретет таких сюжетов, какие подбрасывает нам жизнь! Вернее, в моем случае, конечно же, смерть! Хотя одно без другого невозможно!

Егор окинул взором стол, на котором покоился не первой свежести труп с вывороченной грудной клеткой и распиленным черепом, и почувствовал подкатывающую к горлу волну тошноты.

– Ага, вот и наш любопытный покойничек! – раздался голос Жнеца, остановившегося перед крайним столом.

Егор приблизился и увидел атлетически сложенного молодого мужчину с длинными темными волосами и красивым, однако надменным лицом. Тело было по пояс прикрыто клеенкой.

Покойник как покойник, возможно только, несколько гламурный, но что с того взять? Но мертвец явно не был представителем тусовки или шоу-бизнеса – всех «звезд» и «звездочек» Егор знал в лицо.

– Дергушинский Олег Валерьевич, – зачитал Борис Борисович. – Тридцати девяти лет. Доставлен к нам прошлой ночью.

Егор обошел стол и спросил:

– И отчего этот самый Олег Валерьевич скончался?

Борис Борисович усмехнулся:

– В корень зрите, Егор Антонович! Именно поэтому я вас и пригласил взглянуть на этого покойничка!

С этими словами Жнец откинул клеенку, и Егор увидел несколько ран в области живота и грудной клетки.

– Вроде бы все ясно! – заявил Жнец. – Смерть наступила от кровопотери, тело обнаружили соседи – дверь квартиры этого самого Дергушинского была приоткрыта. А в квартире царил кавардак, причем, как сообщили мои источники из Следственного комитета, главенствующей и, собственно, единственной является версия банального ограбления на сексуальной почве. Что и подтверждает наличие в квартире покойного окурков со следами губной помады, два бокала с шампанским, вскрытая пачка презервативов, а также ажурный бюстгальтер алого

цвета. Причем в шампанском содержались следы быстродействующего снотворного препарата, частенько используемого в криминальной среде жрицами любви, грабящими своих клиентов.

Егор заявил:

– Так, может быть, так оно и есть? Как понимаю, этот тип был холостяком?

– Разведен, – пояснил Жнец. – Но обитал в квартире один.

– Судя по всему, деньги у него водились! – продолжил Егор. – И за собой этот Дергушинский следил. В общем, наслаждался жизнью вовсю. Так почему бы он не мог пригласить какую-нибудь шлюшку, которая решила его травануть и ограбить? У нее что-то не заладилось, и она его пырнула ножом?

Борис Борисович покачал головой и заметил:

– Кто-то хотел, чтобы это выглядело именно так! Это, конечно, всего лишь мои предположения, но, уверен, очень близкие к имевшим место событиям. С одной стороны, преступление вроде бы случайное, заранее не запланированное, с другой же – хорошо продуманное и отлично инсценированное. Так, орудия убийства на месте преступления обнаружено не было. Хотя если убившая Дергушинского девица в панике от содеянного бежала, забыв при этом собственный бюстгальтер, то отчего прихватила нож?

– Ну, мало ли чего сделает человек в состоянии шока! – протянул Егор.

– А как быть с тем, что бюстгальтер новехонький? – быстро спросил Жнец. – Он явно не ношенный! Ни микрочастиц кожи, ни следов пота, ни единого волоска! Как будто его никто и не надевал, а специально подбросил, оформляя мизансцену убийства!

Егор некоторое время размышлял, а потом сказал:

– Бюстгальтер девица могла принести с собой, причем бюстгальтер новый. А этого Дергушинского заводило алое нижнее белье. Но еще до того, как дело дошло до секса, у них возникла ссора, и проститутка зарезала бедолагу.

Борис Борисович усмехнулся в бороду и пробасил:

– Версия хорошая, я бы даже сказал, просто отличная! Но, увы, при внимательном рассмотрении критики не выдерживающая. Ранения Дергушинскому нанес человек, поднаторевший в подобных кровавых делах...

– Ну, проститутка могла быть заодно и маньячкой! – ввернул Егор.

– ...причем ранения сами по себе не смертельные, во всяком случае, далеко не сразу. Ведь умер Дергушинский от потери крови. Спрашивается – если жрица любви его пырнула, а затем, прихватив нож, но оставив свой бюстгальтер, дала деру, то отчего жертва не вызвала «Скорую помощь» или хотя бы не обратилась к соседям? К соседям, кстати, которые не слышали ни криков, ни стонов...

– Но вы же сами сказали, что в шампанском была какая-то дрянь, от которой теряешь сознание! – выпалил Егор. – Так и есть – шлюха пырнула Дергушинского, сбежала, а тот потерял сознание от лошадиной дозы снотворного и, так и не приходя в себя, умер от кровопотери!

Егор победоносно посмотрел на Бориса Борисовича, и тот сказал:

– Думаю, что девяносто девять из ста моих коллег удовлетворились бы подобным объяснением. Девяносто девять, но не сто. Потому что сотый – это я сам! Да, в желудке Дергушинского обнаружена солидная доза шампанского, одобренного сильным психотропным веществом...

Егор издал боевой клич и поднял вверх руки.

– В желудке, Егор Антонович, именно что в желудке! Алкоголь, смешанный со снотворным, был в желудке – а не в крови. В кровь он так и не всосался. Да и в ротовой полости полно этой ядреной жидкости. Знаете, на что это похоже? На то, что кто-то уже после кончины Дергушинского влил ему в рот шампанское, смешанное со снотворным, чтобы создать иллюзию ограбления!

– Значит, в крови снотворного не было? – переспросил удивленно Егор. – Но если так, то почему он не двигался после того, как его ножом пырнули?

Борис Борисович потер руки и продолжил рассказ:

– Во-первых, не ножом, а неким подобием заточки. Прямо как на зоне. Во-вторых, в квартире Дергушинского шампанского обнаружено не было! Только открытая бутылка коньяка и закупоренные бутылки вина на кухне. И не говорите мне, что проститутка сбежала с заточкой и бутылкой шампанского, но забыла прихватить собственный бюстгальтер. И как она, пардон, бежала – с голой грудью, в правой руке окровавленный кинжал, а в левой – початая бутылка? Не верю!

Егор тоже не верил. Вообще-то он уже не сомневался в том, что Дергушинского убила вовсе не проститутка, но ему доставляло удовольствие оппонировать Борису Борисовичу, вытягивая из него все новые и новые сведения.

– А теперь к вопросу о причине смерти. Она ясна – резкое падение артериального давления в результате кровотечения. Но вы верно спросили, уважаемый Егор Антонович, отчего Дергушинский не боролся за свою жизнь? Почему он лежал на полу, не шевелясь, в то время как жизнь в буквальном смысле вытекала из него? И вот почему!

Жнец подошел к покойнику, взял его за правую ногу и с легкостью перевернул тело.

– Вот, смотрите! – он указал на коленный сгиб. Егор наклонился и присмотрелся. Со зрением у него проблем не было, но он ничего не мог разглядеть.

– След от инъекции! – заявил авторитетно Жнец. – Возьмите со стола лупу!

И только при помощи увеличительного стекла Егор смог рассмотреть крошечное отверстие, которое оставила тончайшая игла, вторгшаяся в тело Олега Дергушинского.

– И вот это точно след от инъекции? – спросил с некоторым сомнением Егор. – Похоже на комариный укус!

– И этот комариный укус стал причиной летаргического состояния жертвы! – сказал Жнец. – Мне удалось выявить странную субстанцию в его организме. Так бы ее наличие не бросилось в глаза, но я знал, что надо искать. Что это за субстанция, сказать не могу, потому что ранее с ней не сталкивался, однако это некая разновидность нервно-паралитического токсина, при введении которого человек теряет контроль над своим телом.

Егор отшатнулся от стола с мертвым телом.

– Но такое наверняка проституткам недоступно! – заявил он, и Жнец усмехнулся:

– Я того же мнения, уважаемый Егор Антонович! Более всего этот токсин похож на разработку спецслужб, быть может, даже иностранных! Причем место введения токсина выбрано практически идеально. И если бы меня не насторожили кое-какие несостыковки, я бы тоже не обнаружил следа от инъекции.

– Его убили спецслужбы? – спросил Егор. – Где этот Дергушинский работал?

– В Министерстве иностранных дел, – пояснил Жнец.

Егор начал лихорадочно раздумывать. Похоже, Борис Борисович не ошибся – это и в самом деле сенсация! Конечно, работник МИДа – это не любовница олигарха, но тоже неплохо! И что такого мог знать этот Дергушинский, что его ликвидировали?

– У меня имеются свои каналы, – сказал Жнец, – я и попытаюсь разузнать побольше о токсине, который ввели Дергушинскому. Причем я уверен, что делал это профессионал, да и игла была очень тонкая! Это было заказное убийство!

Всю дорогу в редакцию Рыжик размышлял над словами «заказное убийство». Вот ведь класс, не надо ничего выдумывать! И не исключено, что за гибелью Дергушинского скрывался дипломатический скандал! Кто знает, к каким тайнам был приобщен этот гламурный субъект!

Коллеги отправились по домам, отбыл и Федор, заявив, что едет на важную встречу, хотя Егор не сомневался: кузен отправился к любовнице. Но Рыжика снедало любопытство и желание выяснить правду. И сделать на этом шикарную сенсацию!

Уже давно стемнело, а он все сидел в редакции в гордом одиночестве и названивал одному знакомому за другим. И ближе к полуночи Егор был в курсе того, что Олег Валерьевич Дергушинский, выпускник МГИМО, кандидат политологических наук, работал в Департаменте Ближнего Востока и Северной Африки, был разведен и являлся весьма замкнутым субъектом. К тайным сведениям он отношения не имел, однако при желании мог их раздобыть.

Жаль, что он не отвечал за Северную Америку и Канаду! Тогда бы можно было раздуть шпионский скандал. А так – всего лишь Ближний Восток да Северная Африка, регион, может, и с точки зрения геополитики важный, но скучноватый.

Выяснил Егор, что у Дергушинского на днях сгорел автомобиль – кто-то поджег его на МКАДе. Любопытно, но имело ли это отношение к его смерти? Егор разработал восемь основных и девятнадцать второстепенных версий и сам не заметил, как задремал. Пробудился он от женских голосов – в редакцию нагрянули уборщицы.

Егор с большим нетерпением дождался появления главного редактора, своего двоюродного брата, и бросился к тому, втайне надеясь, что Федор будет в восторге от раздобытых им сведений.

Но Крылов только зевнул и заявил, что Егору не следует лезть в дела, его не касающиеся, и потребовал от него передать журналистское расследование и все имеющиеся факты старшему коллеге.

Егор наотрез отказался, и тогда Федор, осерчав, заявил, что тому лучше отправиться в бессрочный отпуск. Егор вышел из кабинета Крылова и сильно хлопнул дверью. И сразу же из редакции поехал домой.

Нет, отдавать свою историю кому-то из опытных борзописцев он не собирался. Это будет его сенсация, его – и ничья больше! Он три раза сбросил звонок Федора и потом получил от него эсэмэску:

«Или ты делаешь, как я скажу, или ты в моей газете больше не работаешь!» Заканчивалось сие грозное послание семью восклицательными знаками. Егор проигнорировал «черную метку» и решил: будь что будет, он продолжит расследование на свой страх и риск, а потом Федор еще сам будет упрашивать его остаться в «Бульвар-Экспрессе», а не уходить в конкурирующее издание.

Обитал Егор в крошечной однокомнатной квартирке в Митине, однако честолюбивый журналист был уверен: скоро у него будет собственный особняк на Рублевке! Надо только довести расследование до конца!

Тут снова пришло послание от Федора, весьма лаконичное, как и предыдущие: «Значит, не работаешь! Ты уволен!»

Он позвонил на работу Борису Борисовичу, и тот поведал о последних событиях:

– Как мне удалось установить, эта субстанция была изобретена в Израиле и используется в основном израильскими спецслужбами, а также американцами и англичанами. Высока вероятность того, что токсин привезли из-за рубежа, но я стараюсь узнать, где его можно достать в России.

Егор попросил Бориса Борисовича связаться с ним, когда ситуация прояснится, и с утраенной силой принялся за изучение образа жизни покойного Олега Дергушинского. Ведь чтобы понять логику его смерти, надо было побольше узнать о его жизни.

Сведений удалось наскрести удивительно мало – мать Дергушинского умерла от рака много лет назад, отец женился на молодой, обзавелся новым потомством и переехал в Питер, с сыном практически не общался.

Сам Дергушинский вел замкнутый образ жизни, друзей у него не имелось, был он человеком надменным, саркастическим, мог быть жестоким. Но ведь не из-за этого же его отправили на тот свет при помощи токсина, используемого спецслужбами!

Оставалась еще бывшая жена Дергушинского, Инна, которая, как выяснилось, являлась пресс-секретарем фармацевтического гиганта «Русский Парацельс». Инна Дергушинская (ее фото Егор нашел в Интернете) была рыжеволосой дамой с тяжелым взглядом и упрямым подбородком, который выдавал в ней властолюбивую натуру. Странно, Олег Дергушинский обладал сходным характером, и как они могли уживаться вместе в течение без малого семи лет?

Егор позвонил в пресс-службу «Русского Парацельса» и, назвав желтое издание (правда, конкурирующее), пожелал услышать госпожу Дергушинскую. После долгих согласований его, наконец, соединили с Инной.

– Чем обязана? – раздался ее резкий голос.

– Госпожа Дергушинская, выражаю вам свои самые искренние соболезнования! – заявил Егор.

Возникла короткая пауза. Похоже, дама не знала о том, что ее бывший супруг скончался. Рыжик поставил Инну об этом в известность. Снова пауза.

– Как это случилось? – спросила она без предисловия. – Несчастный случай?

– Его убили! – решил не щадить ее чувства Егор. – Вам что-то об этом известно?

Инна молчала. И Егор слышал ее учащенное дыхание. Дамочка явно чего-то боялась, но чего именно? Тогда он решил идти ва-банк и протянул:

– Да, Олег умер, но это не значит, что его тайна умерла вместе с ним!

– Что вам известно? – выпалила Инна, и Рыжик чуть не подпрыгнул от радости! Сработало! Почти как в старой байке о том, как некий шутник послал десятку уважаемых и влиятельных горожан анонимное послание, в котором было написано: «Все раскрыто. Спасайтесь бегством!» Самое смешное, что на следующее утро ни одного из столпов общества в городе не было – все они дали деру!

– То, что было известно вашему супругу! И то, что известно и вам самой! – импровизировал на ходу Егор.

– Вы один из Олеговых? Сколько вы хотите? – произнесла требовательно Инна, и Егор сначала не понял, о чем она ведет речь. А потом его осенило: она желает купить его молчание!

– Это разговор особый! – заявил Егор. – Вы пока что помучайтесь, потерзайтесь, я вам еще перезвоню!

И повесил трубку. Надо, чтобы клиент созрел. Вернее, в данном случае – клиентка. Инна что-то скрывала, и эта тайна имела отношение и к ее бывшему супругу. Но что это была за тайна? И что значило выражение «один из Олеговых»? Друзей? Врагов? Сообщников?

Ответ на этот вопрос могла дать либо сама Инна, либо покойный Олег. И тут Егору пришла в голову занятная мысль: сам Олег ничего сообщить ему был явно не в состоянии, разве что при помощи сеанса столоверчения. Значит, надо заставить говорить имеющиеся улики, как это делает Борис Борисович с телом самого Дергушинского.

Оставалось одно – проникнуть в квартиру убитого работника МИДа. Егор не стал откладывать осуществление этого плана, а бросился на кухню, где под старой газовой плитой хранился медный чайник, являвшийсяместилищем разного рода нужных и ненужных инструментов.

В том числе и набора отмычек, который Егор получил в подарок от соседа по даче, где проводил лето в детстве и отрочестве: сосед когда-то был профессиональным домошником, правда, отошедшим от дел. Он долго отнекивался, но в итоге не мог устоять перед пламенными мольбами Егора и научил его нескольким простым, но чрезвычайно эффективным трюкам. Старика Егор время от времени навещал и слушал его рассказы о былых подвигах.

В журналистской профессии умение бесшумно влезать в чужие квартиры было далеко не таким уж ненужным талантом. Егор отправился на дело, не испытывая никаких угрызений совести. Ведь он работал на сенсацию – свою собственную!

Проникнув в подъезд – стоило всего лишь дожждаться, когда из него выкатится один из жителей, и прошмыгнуть вовнутрь, – Егор поднялся на последний этаж. Квартира, в которой проживал Дергушинский, была опечатана.

Из рюкзака Олег достал милицейскую фуражку, купленную им на барахолке, нацепил ее на голову и подошел к двери. Потом достал из кармана куртки перчатки и надел их. А затем осторожно поддел пальцем бумажку с печатью и вставил в замочную скважину отмычку.

Дверь поддавалась на удивление легко, вот что значит современные замки! Сосед по даче, профессиональный домушник, утверждал, что самые сложные запоры – это прошлых веков. А все новомодные, тем более электронные, ерунда на постном масле.

Егор осторожно прикрыл за собой дверь и замер в коридоре квартиры. На мгновение ему сделалось страшно, ведь здесь убили человека! Но страх отступил, и молодой человек включил свет в коридоре. Быстро пройдя в зал, он задернул тяжелые шторы. Прodelал те же манипуляции в спальне. И спустил на кухне жалюзи. Не хватало еще, чтобы соседи с улицы увидели свет в квартире убитого и вызвали полицию!

А затем Егор принялся за обыск, припоминая, чему его учил сосед по даче. Все самое ценное надо прятать в трех местах – или в хорошо замаскированном тайнике, или на самом видном месте, или в подвалах банка.

Если бы он только имел примерное представление о том, что ему надо искать! Но именно в этом и заключалась проблема. Егору мерещилось секретное досье, выкраденное Дергушинским из МИДа, но никакого секретного досье в квартире, похоже, попросту не было.

Проведя там около трех часов, Егор убедился в том, что никакого компромата ему найти не суждено. Он понял, что настало время капитулировать, и подошел к входной двери. И услышал на лестничной площадке голоса. Егор быстро потушил свет и приложил ухо к двери.

И тут его взгляд упал на тумбочку, на которой стояла причудливая стеклянная ваза. В тумбочку он заглядывал, а вот в вазу! Егор осторожно приподнял ее и услышал, что на ее дне что-то громыкает. С бьющимся сердцем молодой журналист перевернул вазу, чувствуя, что ему на ладонь выскользнуло что-то холодное и металлическое.

Это был ключ, однако странной формы. На ключе имелся номер – «1598», и Егор тотчас сообразил: ключ находился не в хорошо замаскированном тайнике, а на видном месте, а то, что было Олегу дорого больше всего, в подвалах банка!

Он нашел, что искал! Егор устранил следы своего пребывания в квартире и выскользнул в общий коридор. Он как раз прилаживал к косяку бумажку с печатью, когда дверь соседской квартиры распахнулась, и раздался залихватский собачий лай,

У ног Егора возник черный фокстерьер. Кашлянув и надвинув на лоб фуражку, Егор повернулся и заметил растерянную девицу. Достав из кармана удостоверение с грозной надписью «Федеральная служба безопасности», Олег ткнул им в лицо девицы и прогнусавил:

– Вас уже допрашивали по поводу смерти вашего соседа Дергушинского?

Запинаясь, девица ответила, что допрашивали.

– Собаку убрать! – приказал Егор, а затем скатился с лестницы. Чуть не попался – но чуть не считается! Не попался, не попался! И помимо этого, раздобыл ключ от банковской ячейки. Осталось только установить, в каком именно банке она находилась!

Для этого понадобились услуги еще одного знакомого Егора, который, получив от журналиста данные кредитных карточек покойного Олега (сообщенные ему информатором из Следственного комитета), установил, что около месяца назад Дергушинский произвел оплату за «особые услуги» в одном из частных банков столицы.

С унынием Егор констатировал, что ничуть не похож на Дергушинского. И выдать его за себя никак не получится, а без паспорта его в депонарий банка никто не пустит. Ограбить же банк у него не получится, кишка тонка. На это был бы способен сосед по даче, однако он давно завязал с криминалом.

Пришлось скрепя сердце обратиться к помощи Федора. Тот встретил двоюродного брата более чем прохладно – когда тот появился у него в кабинете, даже сесть не предложил, а только буркнул:

– Что, каяться пришел? Голову пеплом посыпать, Рыжик? Или заявление по собственному желанию хочешь подать?

Егор знал: если рассказать о том, чего он успел достичь, Федор, конечно, поможет, ведь у него везде были свои люди. Но в итоге заграбастает себе все лавры! А этого Рыжику не хотелось, ой как не хотелось. Жаль, конечно, но иного выхода не оставалось – шантаж!

Еще до того, как Егор успел ответить, зазвенел мобильный Федора, и тот, схватив трубку, просюсюкал:

– Кирилл Александрович, у меня важное совещание! Я вам перезвоню минут через десять! – Информант! – пояснил он, завершив разговор и отводя взгляд. И Егор решился. Родственные чувства родственными чувствами, а сенсация сенсацией.

– В последний раз был Кирилл Алексеевич! – заметил он с издевкой. – А сейчас вдруг Александрович! Память надо тренировать, Федяка!

Федор, дернувшись, заявил:

– Что? А... Так это другой был! Это Александрович, а то – Алексеевич!

– Только что у Александровича, что у Алексеевича женский голос! Надо же, какое совпадение!

Лицо Федора побагровело, он рявкнул:

– Ты что себе позволяешь! Ты знаешь, с кем разговариваешь?

– Федяка, лучше поставить вопрос иначе: а Маша в курсе, с кем ты разговариваешь? С этим Александровичем или Алексеевичем! Или, быть может, Александровичкой или Алексеевичкой?

Федор раскрыл рот, но так ничего и не сказал. А затем обмяк в кресле и со всхлипом произнес:

– Ничего с собой поделаться не могу, Рыжик! Машку люблю, ужас как люблю, но все равно на сторону тянет! – И, подняв на Егора глаза, произнес: – Это же останется между нами, ведь так, Рыжик?

– Конечно, Федяка! – подтвердил Егор. – Я тебе, разумеется, помогу! Но и ты мне помоги! Мне нужно проникнуть в один столичный банк и вскрыть банковскую ячейку. Ключ у меня имеется, требуется только, чтобы меня в банк запустили и выпустили. Вот, собственно, и все!

Федор вытаращился на кузена, а когда до главного редактора «Бульвар-Экспресса» дошел смысл сказанного, он начал дико хохотать. Насмеявшись вдоволь, он смахнул с уголков глаз слезы и спросил:

– Да, а в Алмазный фонд тебя случаем провести без билета не надо? Поближе к витрине с императорскими регалиями? И сигнализацию при этом отключить? Рыжик, ты в своем уме?

– Я-то да! – протянул тот с деланным сожалением. – А вот ты, Федяка, похоже, нет. Потому что изменяешь Машке, такой женщине!

От напоминания о собственном адюльтере Федор поморщился и сказал:

– Ты что, родного брата шантажировать решил, Рыжик?

– Не родного, а всего лишь двоюродного! И не шантажировать, а, наоборот, помочь сохранить мир в семье. И кстати, не заводи пластинку о том, «как ты посмел». Ты же посмел –

меня, двоюродного брата, уволить! Причем за то, что я отказался отдать свою сенсацию тебе или твоим борзописцам!

Федор почесал щеку, прищурил глаза и сказал:

– Значит, кузен-шантажист, давай так, сенсацию будем делить пополам! Ты и я! Я же вижу, что ты до чего-то докопался, но делиться не хочешь. А без меня до банковской ячейки не доберешься. Рассказывай! Это же имеет отношение к таинственной смерти этого Дергушинского. Я уже навел кое-какие справки...

Егор обомлел – «навел кое-какие справки»: хотя до этого делал вид, что ему на эту историю наплевать!

Федор подмигнул ему и заметил:

– Как ни верти, Рыжик, но мы же родственники! Узнаю в тебе самого себя – молодого и приткого! Прямо не понимаю, что, ты в мое кресло метишь? Ну, тебе еще надо упорно для этого поработать! Так в чем дело?

Егор нехотя поведал Федору о том, что ему стало известно, отказавшись отвечать на вопрос, как он нашел ключ от банковской ячейки.

– Ладно, неважно! – заключил тот. – Вижу, что ты много недоговариваешь, Рыжик! Ладно, пусть сенсация будет твоя, но мы разделим ее пополам! Я и не претендую на то, чтобы шляться по моргам и влезать в чужие квартиры. Делай то, что считаешь нужным, но если попадешься, пеняй на себя! Позор достанется тебе одному, а слава – нам обоим! Твой репортаж пойдет в «Бульвар-Экспрессе», так что и ты в лучах журналистского солнца погреешься, и я. А о Кирилле Александровиче... Или Алексеевиче... – Федор хмыкнул и добавил: – О нем забудь! Вижу, далеко пойдешь, Рыжик! Значит, тебе нужно вскрыть банковскую ячейку? Задание не из легких, но вполне осуществимое!

– Оба ключа надо вставлять одновременно! – сказала работница банка монотонным голосом. Все выглядело как визит обыкновенного клиента. Только Егор не был обыкновенным клиентом. Он не ведал, как Федору удалось добиться того, чтобы его пропустили в банковское хранилище, не проверяя документов и не задавая ни единого вопроса, но факт оставался фактом: он находился возле ячейки с искомым номером 1598, а около него – работница банка.

Они одновременно вставили два ключа – Егор справа, работница банка слева. Больше всего Егор опасался, что ключ не подойдет, но этого не случилось: тот проскользнул в скважину, вошел в гнездо и с легкостью повернулся.

Стальной ящичек пружинисто выскочил из пазов. Работница вынула свой ключ и вышла прочь, оставив Егора одного в подземной комнатухе.

Егор осторожно вытащил ящичек и поставил его на стол. А затем в волнении откинул крышку. И увидел деньги. Много денег. Очень много денег. Банкноты по пятьсот евро. Егор лихорадочно вытащил их из ящичка. Сколько же их тут?

Помимо этого, в банковской ячейке имелось десятка полтора компакт-дисков, а помимо этого, тонкая черная папка. Диски Егор запихнул в карман, а папку раскрыл. В ней находились фотокопии документов – свидетельство о рождении, выданное в Москве, а также копии документов на арабском. Егор запихнул в карман и папку.

А потом принялся пересчитывать деньги. Сто сорок тысяч евро. Сумма внушительная. Но почему Дергушинский хранил деньги в ячейке банка, а не на банковском счету? Не доверял российским финансово-кредитным учреждениям?

Деньги Егор положил обратно в ящичек и вставил его в пазы. Он нажал кнопку звонка, появилась работница, повторившая с ним процедуру двойного вставления ключей. После чего Егор покинул здание банка.

В редакцию он не поехал – Федор милостиво разрешил ему работать дома. Егор отложил документы на арабском, потому что все равно не мог понять, о чем в них шла речь. Изу-

чил копию свидетельства о рождении на русском, фиксировавшего факт появления на свет в Москве в сентябре 1982 года некой Дарьи Леонидовны Ломакиной, родителями которой являлся Леонид Павлович Ломакин и Галина Викторовна Ломакина.

Отчего копия этого прозаического документа хранилась в банковской ячейке, Федор понять никак не мог. Эту Дарью Ломакину он взял себе на заметку, решив, однако, вначале изучить содержимое дисков.

Он был готов увидеть на них многое, но не такое. На всех семнадцати дисках были записаны фотографии и документальные фильмы особого содержания – и по большей части с одним актером, самим Олегом Дергушинским. Сия продукция была жутко порнографического характера и запечатлевала постельные утехы Дергушинского. Его партнерами были не женщины, а мужчины.

Увиденное ошеломило Егора, но не своей развратностью, а тем, что эти фото и фильмы красноречиво свидетельствовали: Дергушинский был любителем собственного пола. И, работая в МИДе, ему требовалось держать сию свою склонность в тайне, иначе бы наверняка пришлось сменить профиль работы или, что еще хуже, застрять в самом низу карьерной лестницы. Но как же его брак с Инной? Она что, позволяла себя дурачить семь лет? Вряд ли! Впечатление дурочки Инна Дергушинская не производила. И вряд ли стала бы терпеть рядом с собой мужчину, который сам любил мужчин. И тут Егор понял: ну конечно, брак по расчету! Причем как с одной, так и с другой стороны! Дергушинский, работая в МИДе, никак не мог быть геем, поэтому ему требовалась жена. А Инна, работая на ответственных и, главное, публичных постах в ворочавших миллиардами компаниях, не могла быть лесбиянкой, поэтому ей требовался муж!

Вот ведь сладкая парочка! Вернее, голубовато-розовая! Неудивительно, что Инна так переполошилась, когда он ей позвонил! Но было ли в ее интересах убирать бывшего мужа Дергушинского? Только в том случае, если он намеревался предать огласке их тайную жизнь! Но Олег явно не собирался делать это, потому что это означало бы и крах его собственной карьеры. Выходит, Инна к смерти своего бывшего мужа отношения не имела.

Теперь Егору была понятна фраза «Вы один из Олеговых?». Она имела в виду – любовников! Наверняка Инна решила, что ее шантажирует бой-френд ее бывшего мужа. Одновременно это значило, что никакой проститутки Дергушинский к себе приводить не мог. Во всяком случае, женского пола. Значит, так и есть, понял Егор: вот оно – доказательство, что смерть гламурного дипломатика от рук продажной девицы – подстава. Дергушинского убили. И вряд ли из-за денег, ведь они хранились в банке. Но из-за чего тогда?

Его взгляд упал на документы. Наверняка из-за них! Значит, надо узнать, каким боком замешана во всю историю некая Дарья Леонидовна Ломакина, которой, судя по дате рождения, недавно исполнилось тридцать лет!

В этот момент мобильный Егора запищал. Он взглянул на дисплей – номер не определен. Он поднес трубку к уху и принял звонок.

– Егор Антонович? – услышал он сухой женский голос. – Вы ведь идете по нашему следу? Егор окаменел. Что это за шуточки?

– Кто это? – прошептал Егор.

– Ваша смерть! – произнес голос, и в этот момент на улице раздался оглушительный взрыв. Задрожали стекла, в ночное небо взметнулись тигровые языки пламени. Егор выскочил на крошечный балкончик и в ужасе увидел – его «Шкода» взлетела на воздух! Кто-то попросту взорвал ее!

И в этот же момент раздалась автоматная очередь. Егор стремительно пригнулся, чувствуя, как его щеку обожгло чем-то раскаленным. Черт, черт, черт, в него стреляли! Сначала взорвали его автомобиль, а теперь пытаются убить!

Автоматные очереди прошивали квартиру насквозь. Егор, закрыв голову руками, лежал на полу, чувствуя, как на него летят осколки стекла, щепки деревянных рам, бетон из стен, штукатурка с потолка.

Рыжик все никак не мог поверить, что это происходит с ним, а не с героем боевика, идущего по телевизору. Его хотят убить! Но за что? Ведь он никому не сделал ничего плохого!

Мысли вертелись в голове, как в хороводе. Внезапно погас свет, и квартира погрузилась в темноту. Только языки пламени, облизывающего на улице «Шкоду» Егора, отбрасывали тревожные блики.

Внезапно послышался треск, скрежет, а вслед за ним – мощный удар об пол. Нечто массивное свалилось с потолка на пол и приземлилось всего в нескольких сантиметрах от головы Егора. Это была люстра с бронзовыми рожками и хрустальными плафонами, невесть откуда взявшаяся в съемной квартире и никак не вязавшаяся с ее убогой обстановкой.

Выстрелы стихли. Егор осторожно отполз в сторону и приподнял голову. Из разбитых окон дуло. Белые занавески, раскачиваясь на ветру, походили на взбесившиеся привидения. Рыжик, осмелев, на карачках пополз в сторону коридора.

Но стоило ему преодолеть пару метров, как снова раздалась автоматная очередь. Егор метнулся в коридор и прижался к стене, вперив взор в прямоугольник входной двери. Надо было бежать из квартиры, обстреливаемой неизвестными с улицы! Туда, на лестничную площадку, туда, где безопасно!

Егор уже направился к двери, но вдруг остановился. Непонятное чувство подсказало ему, что за дверью притаилась опасность. Хотя наверняка это была не интуиция или шестое чувство, а всего лишь странный шорох из общего коридора.

В тот момент, когда Рыжик отпрыгнул от двери и, задев плечом косяк, повалился на кафельный пол крошечного совмещенного санузла, послышались оглушительные выстрелы, но не со стороны комнаты или кухни, а со стороны входной двери! Кто-то, находясь на лестничной клетке, в упор ее расстреливал!

Егор перелез через край ванны и плюхнулся на ее мокрое и холодное дно. При этом он столкнул пластмассовые бутылочки с шампунем и пеной для бритья, которые свалились ему на голову.

Раздался мерзкий треск, и Егор понял: деревянная дверь слетела с петель! В голове крутилась одна-единственная мысль – в следующий раз надо снимать квартиру с металлической дверью! Только кто сказал, что этот следующий раз вообще будет?

Выстрелы стихли. Егор сжал в руке бутылочку с пеной для бритья. И что, он пустит напавшему на него киллеру с автоматом в лицо струю пены, когда тот заявится в ванную, дабы убить его?

Раздались осторожные шаги. Под ногами того, кто бродил по квартире, хрустели осколки стекла и кусочки бетона. Егор затаил дыхание. Авось не заметит! И когда же приедет хваленая столичная полиция?

Шаги приблизились, и Егор понял: убийца зашел в ванную! Молодой человек боялся пошевелиться, надеясь на то, что незваный гость его не заметит. И в этот момент сверху на Егора свалилась стеклянная полочка со всякой ванной дребеденью. Удар был несильным, но весьма болезненным. Егор приглушенно вскрикнул и понял, что тем самым подписал себе смертный приговор. Потому что тот, кто заявился в его квартиру, обнаружил его и оказался у края ванны!

С диким криком Егор поднялся на ноги и выпустил в лицо убийце струю пены. Убийца в ужасе завыл, попятился – и Егор убедился, что никакой это не киллер с автоматом наперевес, а сосед-алкоголик Темыч.

– Помогите, убивают! – завопил Темыч и, растирая по лицу пену для бритья, бросился прочь. Егор вылез из ванны и, схватив с пола первое, что попало под руку, двинулся в коридор. Похоже, убийцы рядом не было, но все равно надлежало быть начеку.

Коридор походил на поле битвы Второй мировой, а деревянная входная дверь, валявшаяся на полу, превратилась в решето. Егор осторожно выглянул в общий коридор – никого, лишь где-то внизу дурашливые крики Темыча.

Только в этот момент Егор сообразил, что держит в руках вантуз. Нервно рассмеявшись, Рыжик отбросил его в сторону и поспешил по лестнице вниз. Когда он вышел из подъезда, то по кварталу разносился вой сирен – к дому подлетело несколько автомобилей с полицией и карета «Скорой помощи». С другой стороны улицы неслись пожарные, но Егор махнул рукой: «Шкода» догорала.

Егора же интересовало, откуда было совершено нападение. Ведь его квартира располагалась на седьмом этаже, не в воздухе же парил киллер, открывший по нему стрельбу?

Нет, не в воздухе. И точно не с дерева. А с крыши соседнего дома, определил Егор. Киллеров было как минимум два – один расстреливал окна его квартиры, а другой – входную дверь. А может быть, и все три, с учетом взлетевшей на воздух «Шкоды»...

Егор пытался рассмотреть, что происходит на крыше соседнего дома, но, конечно же, не смог. Не сомневаясь, что киллеры уже ушли, он все-таки решил немедленно туда подняться, уже направился к соседнему дому, однако был задержан полицейскими.

Егор увидел Темыча, который лежал на носилках и что-то объяснял суетившимся около него медикам. Лицо Темыча было вымазано пеной для бритья.

– Надо отправить в лабораторию! И сделать спектральный анализ! Это могут быть штаммы сибирской язвы!

Егор с сожалением посмотрел на то, как пожарные оперативно тушат его «Шкоду», а потом стал отвечать на вопросы представителей закона.

Скоро подтянулись и представители журналистской братии. Некоторых Егор знал хорошо, с другими был шапочно знаком. После долгого и нудного разговора с полицейскими Егору было разрешено подняться к себе в квартиру.

Там всю хозяйничали люди в штатском. Егор вспомнил о дисках, а также о копиях документов, обнаруженных им в банковской ячейке. Но ни дисков, ни копий документов не было. Егор потребовал вернуть ему его собственность (хотя ни то, ни другое таковым не являлось), но ни один из представителей полиции, Следственного комитета и прокуратуры, заповивших его квартиру, не мог дать сколько-нибудь удовлетворительных разъяснений. Никто не видел никаких дисков и копий документов.

Сначала Егор подумал, что те просто валяются на полу, среди искореженной мебели, осколков стекла и штукатурки. Какая-то часть, в особенности копии документов, могли, подхваченные ветром, вылететь в разбитые окна. Но не могли же исчезнуть все карточки и все документы – что-то должно же было остаться!

Но исчезло абсолютно все, и решительно никто не был в состоянии сказать, кто прихватил чрезвычайно важные улики. Егор осмотрелся – в квартире находились не менее двух десятков посторонних людей. На смену покидающим квартиру приходили новые. И любой из них мог прикарманить диски и бумаги!

Завидев пузатого человека в форме с погонами, Егор обратился к нему, но тот сразу же оборвал его вопросом:

– Какое отношение имеем к организованным преступным группировкам?

Егор наобум ляпнул:

– Я – никакого! А о вас я сказать ничего не могу!

Чин побагровел, и Егора схватили два типа, вежливо, но настойчиво предложившие ему пройти в служебный фургон, стоявший во дворе. Там они подвергли Егора допросу с пристрастием. Наконец, примерно через час, один из типов, захлопнув кожаную папку, протянул:

– Ладно, по всей видимости, вы говорите правду! И отношения к криминалу не имеете! Но тогда объясните – на кой ляд кому-то пытаться устранить вас?

Тут в фургон кто-то заглянул, и один из допрашивавших Егора вышел. У другого же зазвонил мобильный, и он вышел на свежий воздух.

Воспользовавшись паузой, Егор выскользнул из фургона и быстрым шагом направился к ограждениям, за которыми толпились зеваки и виднелся тип с оранжевым микрофоном, около которого вертелся бородатый оператор. И того, и другого Егор знал, это были работники передачи «ЧП» на одном из частных каналов.

Егор уже не сомневался – убить его хотели по той простой причине, что он занялся делом Олега Дергушинского. И его единственный шанс выжить заключался в том, чтобы привлечь к себе внимание общественности. А заодно и пригрозить через программу «ЧП» киллерам и их заказчикам! Конечно, он не будет называть имен, однако объявит на всю страну, что занимается сенсационным расследованием.

Он находился в нескольких метрах от ограждения, как вдруг из темноты вынырнул бледный субъект в кожаной куртке – кажется, Егор видел его среди прочих представителей властных и правоохранительных структур в своей квартире.

– Вам привет от вашей смерти! – произнес тип с усмешкой.

Егор вздрогнул, а тип продолжил:

– Думаете, Егор Антонович, что у нас не хватило времени вас кокнуть? Или что мы передумали? Как бы не так! Просто мы дали вам шанс. Точнее, подарили вам жизнь.

Егор молчал, не зная, что на это ответить. Возможно, именно этот тип и стрелял по нему, а теперь киллер стоял напротив него и читал нотации!

– Так что распорядитесь подарком по-умному! В следующий раз мы такими щедрыми уже не будем.

– Почему? – спросил Егор, с трудом разлепляя ссохшиеся губы. – Почему вы меня не убили?

Киллер хмыкнул и сказал:

– Такой вопрос мне еще никто не задавал! Но, так и быть, удовлетворю ваше любопытство. Вы сейчас пойдете к вашим собратьям по разуму...

Он кивнул в сторону телерепортеров.

– Пойдете к ним и поведаете, что ведете сейчас расследование о подпольных казино. Причем сделаете это с вдохновением и так, чтобы вам поверили. Потому что если не поверят, то придется нам довести до конца то, что не сделали – то есть убить вас.

Егор шумно вздохнул, а тип добавил:

– Кстати, спасибо за документы, которые вы раздобыли для нас. Мы бы и сами до них добрались, но все равно приятно, когда работу выполняет кто-то другой. И еще... – В его голосе прорезался металл. – Забудьте о Дергушинском. И обо всем забудьте. Строчите, как раньше, всяческую чушь. И не пытайтесь меня найти – потому что внешность у меня все равно совершенно иная!

– Егор, вот ты где! – раздался крик, и Рыжик заметил, что тип с оранжевым микрофоном машет ему рукой. – Ну, иди же сюда! Эксклюзивное интервью! Пойдет уже сегодня ночью в эфир!

Егор обернулся и заметил, что бледный тип в кожаной куртке исчез. Егор медленно двинулся в сторону назойливого репортера.

Интервью много времени не заняло, и Егор сказал то, что от него требовалось: что он ведет журналистское расследование, посвященное подпольным казино в столице, что он напал

на след кавказской мафии, что ему неоднократно угрожали и теперь, видимо, привели угрозу в исполнение.

Брал Егор вдохновенно и не сомневался, что и репортер с оранжевым микрофоном, и телезрители ему поверят. Он бы и сам поверил своему рассказу! Рассказу, выдуманному от начала до конца!

Появился, наконец, и Федор Крылов, получивший по своим каналам информацию о том, что на его двоюродного брата было совершено покушение. Федор сразу же ринулся к камерам и дал пространное интервью, громогласно требуя защитить свободу слова и не дать бандитскому отребью угрожать честным журналистам.

Федор же уладил формальности с представителями полиции, Следственного комитета, прокуратуры и ФСБ. Егору было позволено удалиться, но куда он мог податься? Только к родителям – или к Федору.

Крылов прибыл на навороченном джипе, в котором, как ни странно, играл моцартовский «Реквием». При чем слушал его Федор с утра до ночи, плюя на прочую классику. Егор несколько раз спрашивал его об особом пристрастии к этому музыкальному произведению, и каждый раз Федор ронял загадочные фразы о том, что, мол, те, кто любит ночь, не любят Моцарта. Что он этим хотел сказать, Егор решительно не понимал [Подробнее о причине пылкой любви Федора Крылова к моцартовскому «Реквиему» и его жутких приключениях с теми, кто любит ночь, читайте в романе Антона Леонтьева «Лига охотников за вампирами», изд-во «ЭКСМО»].

Музыкальный вкус кузена занимал Егора в тот момент меньше всего. Как на духу, он выложил Федору все, что знал. Только историю не правдивую, а фальшивую – ту же самую, что поведал команде телевизионщиков, о подпольных казино. Нет, Егор уже не опасался конкуренции со стороны Федора, а боялся, что тот сам станет мишенью наемных убийц. Федор, Маша и их двое детей!

Федор же, лавируя в потоке машин, заметил, когда Егор смолк:

– Да, влез ты в историю, Рыжик! Точнее, вляпался! Неужели непонятно – надо держаться от криминала подальше! Ладно, едешь сейчас ко мне, а потом подумаем, что предпринять!

Как Егор ни отнекивался, Федор все же настоял на своем. Больше всего Егор боялся встречи с Машей, ведь он был к ней в самом деле неравнодушен. Но еще до того, как они прибыли домой к Федору, Егор задремал – и это после всех ужасных событий прошедшего дня!

Поэтому с Машей он долго не общался, перебросился парой фраз, а потом сразу завалялся спать. Когда он разлепил глаза, то выяснилось, что в квартире на Кутузовском, где обитал его кузен – главный редактор, он был один: Маша и младший сын у врача, дочка в школе, а Федор на работе.

Приготовив себе на скорую руку яичницу и выпив две чашки крепчайшего черного кофе, Егор принял решение. Конечно, он может радоваться «подарку» киллера. И, последовав его совету, забыть обо всем. Но тогда какой он журналист?

Нет, он пойдет другим путем! Он продолжит расследование! И те, кто пытался убить его, понесут за это наказание по всей строгости закона. Только действовать он будет осторожно, не привлекая к себе внимание.

По телевизору повторяли вечерние программы, и Егор увидел себя самого, дававшего интервью типу с оранжевым микрофоном. Егор отвернулся.

Он продолжит расследование. И в этом ему поможет Борис Борисович Жнец. Потому что ни дисков, ни копий документов не было. Единственное, что застряло в памяти Егора, так это имя – Дарья Леонидовна Ломакина.

Егор позвонил Борису Борисовичу, но его мобильный не отвечал. Егор послал ему эсэм-эску с просьбой откликнуться как можно быстрее, а затем, приняв душ, отправился в больницу, где работал Жнец.

Ступая по длинным и извилистым коридорам патолого-анатомического отделения, Егор думал о том, что и сам мог бы приземлиться на оцинкованном столе, перед Борисом Борисовичем, вооруженным скальпелем.

Егор обратился к дежурному врачу, желая узнать, где он может найти Жнеца. Врач, странно посмотрев на Егора, произнес:

– Ну, вообще-то здесь! Нет и не будет!

– Не будет? – удивился Егор. – Может, мне ему лучше позвонить?

Врач вздохнул и сказал:

– Борису Борисовичу невероятно сложно отвечать на звонки. Его лучше не тревожить!

И, развернувшись, пошел прочь. Чертыхаясь, Егор пошел дальше по коридору и наткнулся на ординаторскую. Там он заметил рыдающую медсестру и нескольких сумрачного вида врачей.

А на столе виднелась черно-белая фотография Бориса Борисовича, один край которой был затянут черным крепом. Егор побледнел и спросил:

– Неужели Борис Борисович...

– Увы, – заметил один из врачей. – Прошедшей ночью скончался прямо здесь, на рабочем месте. Инфаркт!

Егор никак не мог поверить этому. Он опустился на скрипящую старенькую кушетку и посмотрел на фотографию Жнеца. Прошедшей ночью...

Прошедшей ночью его самого чуть не убили! Неужели...

– Вы уверены, что инфаркт? – спросил Егор коллег покойного.

– Ну, в этой жизни ни в чем нельзя быть уверенным, разве что только в том, что рано или поздно умрешь! – ответил другой медик. – Поэтому ждем вскрытия. Он сам так распорядился. Хотел, чтобы коллеги оказали ему дружескую услугу!

– Я не это имел в виду! – сказал Егор. – Может, смерть была не совсем естественная...

При этих словах медсестра зарыдала еще сильнее.

– Как это – не совсем естественная? – удивились врачи. – Насильственная, что ли? Исклучено, кому надо убивать нашего дорогого Бориса Борисовича? И, главное, почему?

Егор мог бы сообщить им причину, по которой неизвестные могли желать кончины Жнеца, но сдержался. Эти медики производили впечатление преданных своему делу профессионалов. Уж если выяснится, что Жнецу что-то впрыснули, отчего он скончался, то они до этого докопаются!

Медицинская сестра рыдала все громче и громче. Медики же обменивались понимающими взглядами, и один из них с усмешкой заметил:

– Людочка была так привязана к Борису Борисовичу!

– А что касается смерти Бориса Борисовича, то сомнений быть не может. Он ведь на рабочем месте и скончался! Прямо здесь! Мегера ему пыталась помочь, но не вышло!

– Мегера? – переспросил Егор, и врачи усмехнулись:

– Да, наша новая!

– Прекратить немедленно истерики! – раздался надменный голос, и Егор увидел высокую элегантную даму с мелированными волосами и очками в затейливой оправе.

Медсестра, как по команде, прекратила плакать, а врачи спешно вышли из ординаторской. Один из них на прощание шепнул Егору:

– Вот она, мегера! Наша новая начальница! С Борисом Борисовичем они были на ножах! Теперь она его место займет! И житья нам не даст!

– Ну, какое житье в морге-то! – заметил его приятель.

– Вы кто такой? – обратилась дама к Егору, окидывая его подозрительным взглядом.

Нашупав в кармане удостоверение с грозной надписью «Федеральная служба безопасности», завалившееся еще со времени визита в квартиру Дергушинского, Егор ткнул его в лицо докторше и отчеканил:

– Нам требуются официальные результаты вскрытия Олега Дергушинского!

Докторша, моргнув, тотчас любезно заметила:

– Прошу вас следовать за мной!

Она проводила его в свой кабинет – точнее, это был кабинет покойного Бориса Борисовича, в котором теперь царила его малоприятная заместительница.

– Вы разрешите взглянуть на ваше удостоверение еще раз? – спросила мегера странным тоном, и Егор был вынужден продемонстрировать свою липовую ксиву снова. Докторша на этот раз внимательно и долго изучала его, а потом подняла на Егора глаза и натянуто улыбнулась. Рыжик перевел дух – поверила!

– Отчего скончался Жнец? – спросил Егор, и докторша вздохнула:

– Инфаркт! Я много раз советовала ему следить за здоровьем и за режимом питания, но он был упрям! И вот результат этого упрямства!

– Бориса Борисовича будут вскрывать у вас? – спросил Егор, на что получил ответ:

– Ах, это совершенно бестактная шутка, запущенная когда-то самим Борисом Борисовичем! Нет, ни у нас, ни где бы то ни было еще. Вдова Бориса Борисовича отказалась от вскрытия. Я убедила ее, что для этого нет ни малейшей причины!

– Но ведь причина смерти может быть иная... – начал Егор, а докторша ответила:

– Да, не исключено, что это был не инфаркт, а инсульт! Но какая, собственно, разница для близких покойного! А зачем, позвольте полюбопытствовать, вам требуются результаты вскрытия Дергушинского?

– Тайна следствия! – ответил важно Олег, и докторша, понимая кивнув, вышла из кабинета. Она вернулась минут через пять и подала Егору тонкую папку в прозрачном переплете. Егор раскрыл ее, пролистал, вчитался, а затем удивленно посмотрел на докторшу:

– Но здесь ни слова о токсине, парализовавшем Дергушинского! И о следе инъекции в коленном сгибе!

Мегера в изумлении вскинула выщипанные брови и спросила:

– О чем это вы? Какой токсин, какая инъекция? Никаких следов инъекции обнаружено не было!

– Кто подписал протокол вскрытия? – Егор посмотрел на последнюю страницу и онемел. Он увидел подпись Бориса Борисовича! Но как же так, Жнец ведь придерживался иного мнения касательно кончины Дергушинского. И намеревался изложить это в протоколе! Но именно этого и не произошло!

– Подписал его тот, кто производил вскрытие! – протянула докторша. – То есть сам Борис Борисович! Или вам что-то не нравится?

Да, Егору не нравился – сладковато-гнилостный, как запах тления, тон докторши. Он был уверен, что Жнец никогда бы не подписал подобного протокола вскрытия.

– Подпись у Бориса Борисовича была очень простая, закорючка, и все! – сказал задумчиво Егор.

Стрела попала в цель, глаза докторши за причудливой оправой сузились, ноздри затрепетали. Мегера испугалась, да еще как!

– На что это вы намекаете? У вас есть основания считать, что протокол вскрытия подделан? Кем?

Егор молчал. Докторша поднялась с кресла и, указывая на дверь, заявила:

– Прошу вас покинуть нашу больницу! Потому что ваши подозрения нелепы и чудовищны! Вы оскорбляете память покойного!

– А что, если провести повторное вскрытие? – произнес Егор. – К какому результату придут независимые эксперты?

Докторша усмехнулась и заметила:

– Тело Олега Дергушинского было сегодня утром кремировано, а прах будет передан его отцу.

Егор уже не сомневался, что эта особа причастна к подделке протокола. А быть может, и к смерти своего шефа, Бориса Борисовича Жнеца.

Внезапно зазвенел мобильный докторши, и та, словно ошпаренная, выскочила в коридор. Егор попытался расслышать, с кем и о чем она говорит, но это было невозможно. Тогда, воспользовавшись отсутствием мегеры, он подошел к ее столу и выдвинул первый ящик.

Он заметил там изящный металлический ящичек. Открыв его, Егор увидел шприц, заполненный бесцветной субстанцией. И его осенило, так и есть, вот он – токсин, при помощи которого убили Дергушинского! И кто знает, может, и самого Жнеца!

Оглянувшись в поиске подходящей тары, Егор наткнулся на пустой пузырек. Он осторожно выцедил туда две трети содержимого шприца, а затем, поднеся его к вазе с цветами, набрал оттуда воды. Докторша не должна была заметить исчезновение яда!

Едва он сделал это и запихнул пузырек, содержимое которого намеревался отдать на экспертизу, в карман куртки, как в кабинет вернулась докторша. Она подозрительно уставилась на Егора, а тот непринужденно спросил:

– Звонили-то хоть по важному поводу?

Мегера проигнорировала вопрос и, подойдя к столу, выдвинула первый ящик. Видимо, убедившись, что футляр с шприцом на месте, она задвинула ящик, закрыла его на ключ, а ключ опустила в карман халата. Егор мило улыбнулся мегере. Пусть делает теперь, что хочет, у него имеется улика! Но требовалось сбить с тетки спесь!

– Именно вы оказали помощь Борису Борисовичу, когда ему стало плохо? – продолжил он допрос. – Или совсем даже не помощь? Интересно, а на теле Жнеца тоже можно обнаружить след от инъекции?

Мегера ринулась к Егору и дала ему пощечину. Рука у нее была тяжелая.

– Прочь! Как вы смеете! Я не намерена отвечать на ваши вопросы! Ну, живо уматывайте. Иначе вызову охрану и прикажу ей выбросить вас с территории больницы!

Перечить смысла не имело, поэтому Егор ретировался. Он был уверен на все сто: мегера подделала протокол вскрытия и, вероятно, отправила на тот свет Бориса Борисовича. Или не помешала сделать это кому-то другому!

И тут до Егора дошло – Жнец умер по его, Егора, вине. Бориса Борисовича устранили как опасного свидетеля, как эксперта, докопавшегося до истины. Вернуть Жнеца с того света было невозможно, теперь требовалось только одно – вывести на чистую воду тех, кто был причастен к его смерти.

Егор устроился в скверике, прилегавшем к патолого-анатомическому отделению больницы. Надо было попытаться найти слабое звено, и таковым, по его мнению, была мегера. Вряд ли она была профессиональной киллершей. Значит, если и убила Бориса Борисовича, то это ее первое преступление. Наверняка боится и переживает! Это означало, что из нее можно выжать информацию.

Дождаться пришлось долго. Уже давно стемнело, когда появилась мегера. Она направилась к стоянке, уселась за руль старенького «Мерседеса» – и в этот момент Егор плюхнулся на пассажирское сиденье рядом с ней.

Мегера как раз хотела вставить ключ в замок зажигания, но от неожиданности промахнулась и выронила ключи. Егор оказался проворнее, поднял их и засунул к себе в карман.

– Я сейчас же позову на помощь! – заявила, шипя, докторша.

Егор усмехнулся и заметил:

– Ну, давайте, вызывайте ментов! Лучше уж сразу ФСБ! Потому что вам есть что им поведать. Например, о том, как вы подделали протокол вскрытия Дергушинского. Ведь графологи это в два счета установят!

При этих словах докторша дернулась, а Егор благодушно продолжил:

– Но это полбеды! А вот убийство – за это могут впаять по полной! В вашем случае – лет пятнадцать! А если вскроется, что вы еще кого-то кокнули, то и пожизненное!

Мегера снова дернулась, но потом, совладав с эмоциями, заявила:

– Все это блеф! Никаких доказательств нет и быть не может! Потому что нет никаких преступлений! Все это вам мерещится! Вам требуется хороший психиатр. Могу посоветовать знакомого!

– А вам требуется хороший адвокат! Тоже могу посоветовать! – заявил Егор. – Учтите, еще не поздно сказать правду. Вы еще можете выйти из этой истории сухой!

Докторша, нервно облизнувшись, сказала:

– Хорошо! Мне и самой не по себе... Потому что Бориса Борисовича я уважала и ценила...

– Поэтому и убили? – заметил надменно Егор. Дело сдвинулось с мертвой точки! Докторша была готова дать показания!

– Ничего вы не понимаете! – заявила докторша.

– Ну так расскажите все с самого начала! – потребовал Егор. – Прямо сейчас!

Мегера вздохнула, понуро опустила голову и произнесла:

– Так и быть! Но я хочу гарантий, что со мной ничего не произойдет и что меня не привлекут к ответственности!

– От лица спецслужбы, представителем которой являюсь, я даю вам эти гарантии! – произнес Егор, стараясь придать лицу суровое выражение. – Получите их и в письменном виде, за подписью нашего директора, но только после того, как поведаете мне обо всем!

– Отдайте же, наконец, ключи! – заявила докторша. – Поедем ко мне домой. Нет, к себе я вас приглашать не намерена, но по пути все расскажу!

Егор отдал ей ключи, и докторша завела мотор. Затем, сняв очки, она устало протерла глаза и сказала:

– Я же с самого начала знала, что ничем хорошим это не закончится! Но у меня не было выбора, понимаете, не было!

– Выбор есть всегда! – ответил назидательно Егор, а докторша вспыхнула:

– Вы еще молодой, молоко на губах не обсохло, а уже старших учите уму-разуму! Нет, не было! И мне пришлось поступить так, как я поступила! Впрочем, чего я рассказываю! Лучше уж вам сразу покажу!

Она положила очки на приборную доску, повернулась, взяла с заднего сиденья сумочку, раскрыла ее и вынула оттуда уже известный Егору изящный металлический футляр. Мегера откинула крышку, и Егор увидел небольшой шприц, заполненный бесцветной жидкостью. Мегера взяла его в руки.

– Что это? – спросил внезапно осипшим голосом Егор.

– То, что привело к смерти Олега Дергушинского и Бориса Борисовича, – вздохнула мегера. – Но это еще не все! Вам ведь требуются имена! Но их у меня нет! Имеется только номер мобильного, по которому мне позвонили! Ах, где же он! Тут, в сумочке! Подержите!

Она поставила на колени Егору свою сумочку и принялась копошиться в ней. Из сумочки выпали разнообразные предметы. Докторша дернулась, смахнула с приборной доски очки.

– Осторожнее, без моих очков я как без рук! – заявила она, и Егор наклонился, чтобы достать их. И в ту же секунду почувствовал словно комариный укус. Рыжик дернулся и выбил из рук докторши шприц, который она воткнула ему в шею, там, где начинали расти волосы.

– Что вы делаете... – начал он, попытался толкнуть докторшу, но это у него не вышло – рука отказалась слушаться его. Да и из горла звуки больше не выходили. Докторша же подняла шприц, подула на него и снова вколола Егору, на этот раз в предплечье. И ввела ему целую дозу токсина. Правда, разбавленного водой из вазы с цветами!

– Извините, что не стерилизую, но в вашем случае абсцесс исключен! – усмехнулась она. – Потому что времени у возбудителей элементарно не будет! Ведь вы совсем скоро умрете!

Егор пытался что-то сказать, но у него это не выходило. Он лежал на сиденье, внимал всему тому, что говорила докторша, и не мог пошевелить даже мизинцем.

Из сумочки докторши раздалось мелодичное потренькивание, и она вынула телефон.

– Да, да, этот тип, который уверял меня, что из ФСБ, обезврежен. Да, конечно, я о нем позабочусь. Территории больницы он не покинет. Во всяком случае, живым.

Держа одной рукой телефон около уха, другой рукой докторша залезла в карман куртки Егора и вытащила его паспорт.

– Да, Шишаков Егор Антонович. Вас поняла. Можете не беспокоиться, сделаю все в лучшем виде. Как и в случае с Борисом Борисовичем. Но гонорар вам придется утроить. Нет, не удвоить, а утроить, потому что я очень рискую. Рада, что вы меня понимаете!

Мегера завершила разговор и, проверив рефлексы Егора, сказала:

– Мне вас жаль, молодой человек, однако, насколько я в курсе, вам был предоставлен шанс. Шанс обо всем забыть и начать жизнь заново. А вы предпочли продолжить расследование. Именно по этой причине вам придется умереть. Сейчас!

Онлайн-конференция Совета Безопасности Клуба Двадцати Одного

Председатель: «Теперь к вопросу об Аль Бадрэффи и московской операции. Все прошло удачно?»

Москва: «Не совсем. Возникли непредвиденные трудности. Назойливые журналисты. Но помеха устранена».

Париж: «Когда будет начата операция?»

Москва: «Она уже началась. Никаких иных затруднений не предвидится. Все те проблемы, что имеются, решаемы».

Председатель: «Сколько вам понадобится времени, чтобы операция перешла в решающую фазу?»

Пекин: «Тянуть больше нельзя. Аль Бадрэффи окончательно вышел из-под контроля. Он не выполняет договоренности. Это ставит под угрозу наши прибыли».

Председатель: «Пекин, вы не единственные, кто несет убытки из-за выкрутас Аль Бадрэффи. Москва, вам хватит трех недель?»

Москва: «Интервью назначено на следующую неделю. По нашим расчетам, нам необходим месяц».

Рим: «Слишком долго!»

Вашингтон: «Нас устраивает».

Бразилия: «Мы готовы ждать».

Председатель: «Вопрос о сроках находится в компетенции того, кто планирует и проводит операцию. В наших общих интересах как можно более быстрое решение проблемы. Поэтому, Москва, постарайтесь форсировать события. Переходим к следующему пункту повестки дня. Миф о глобальном потеплении...»

Даша

– Господи, и что же с ним? – спросила Алла, в ужасе взирая на Дашу. – Это серьезно? Смертельно? Скажи, это смертельно?

То, что Алла была влюблена в Дмитрия Остропольского, было общеизвестным фактом. Но только он не отвечал ей взаимностью. Что, однако, не мешало Алле питать к нему самые нежные чувства.

Впрочем – Даша в этом не сомневалась – все сотрудницы их компании были влюблены в Дмитрия Остропольского. Еще бы – и красавец, и златоуст, и умница, и знакомый сильных мира сего, что в России, что за рубежом! В общем, один из самых известных политических комментаторов страны!

Остропольский в совершенстве владел шестью языками, был на «ты» с Биллом Клинтон и знал номер мобильного телефона Билла Гейтса. Не говоря уже о том, что ему были известны многие тайны кремлевской политики, и он не считал нужным скрывать того факта, что является любимым журналистом как премьер-министра, так и президента.

Раскрыв глаза и, кажется, впад в прострацию, Алла трясла Дашу за руку и твердила:

– Он жив, жив? Скажи же мне, скажи!

В кабинет заглянул один из коллег, благодушно заметивший:

– Что, Аллочка, в себя не можешь прийти от ужасной вести? Наш дорогой и любимый Дмитрий Львович взял на три недели больничный! И отменил все свои встречи! Интересно, кто же теперь вместо него будет выходить в эфир?

– А главное, кто полетит в Северную Африку брать интервью к этому, как его... – встрял в разговор еще один из коллег.

– Не «как его», а у самого императора Африканского континента! – заметил ехидно первый. – Именно так он себя величает! У Ганнибала Аль Бадрэффи, вечного полковника и бесменного лидера революции!

– Так он же полковником был, когда переворот в своей стране устроил! – заявил его собеседник. – А с тех пор тридцать лет прошло. По случаю круглой даты к нему со всего мира корреспонденты и съезжаются. Тем более что трон под ним шатается, а он желает всем доказать, что он силен, как никогда! Так вот, был полковником, а потом сам себя произвел в маршалы. А весь мир так и зовет его по-прежнему «полковник»! Непорядок!

– Ах, какой был полковник! Ну настоящий мужчина. А оказался – уголовник! – хохотнула шедшая по коридору дама в кожаных сапогах по самое бедро и вязаной фиолетовой мини-юбке. – Так и ваш Ганнибал! Брр, что за имечко! Прямо как у этого людоеда из «Молчания ягнят»!

– Его называли в честь античного полководца Ганнибала, – заметила Даша. – И Аль Бадрэффи утверждает, что ведет от него свое происхождение. Ведь античный Ганнибал – один из немногих, кто одержал победу над Римом. И вообще, Аль Бадрэффи считает, что развалины Карфагена находятся вовсе не в Тунисе, а на территории его страны!

Особа в сапогах и мини-юбке воззрилась на Дашу:

– Ну ты, Ломакина, даешь! Откуда все это знаешь? Вот тебя и посылать вместо Димочки в Северную Африку брать интервью у полковника в чине маршала! Он же любит красивых девочек!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.